

Гера ФОТИЧ

РАЗЯЩИЕ ОГНИ ГРЕХОВ

Если честен смолоду — для тюрьмы нет повода!

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Гера Фотич
Разящие огни грехов
Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73955042
Разящие огни грехов: роман / Гера Фотич: Вече; Москва; 2025
ISBN 978-5-4484-5707-4

Аннотация

Черeda пугающих событий случается всего за пару месяцев. Украинский террорист убивает заслуженного судью в Ростове-на-Дону. Ревность приводит к гибели отставного сотрудника ФСБ в Санкт-Петербурге. Бывшего подводника арестовывают в Ленинградской области за педофилию, его сын погибает, а адвокат получает спицу в сердце. Вернувшийся с войны сосед странным образом тонет на рыбалке, а брошенная граната подводит черту. Как могут быть связаны все эти преступления? А всё потому, что однажды совершённый грех может и через много лет запустить ураган трагических событий, породить бездну несчастий, океан слёз.

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Часть 2	33
Глава 1	36
Глава 2	51
Глава 3	58
Глава 4	69
Глава 5	81
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Гера Фотич

Разящие огни грехов

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

Серия «Любимый детектив»

*Серия «Любимый детектив» была удостоена
Премии МВД РФ в 2018 году.*

© Фотич Г., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Если ночью в каюте прижать лицо к иллюминатору, взгляд постепенно начинает улавливать непрерывное тревожное движение за стеклом, слышится поднимающийся по борту корабля угрожающий шёпот волн. Круглое окошко становится дверью в неведомый потусторонний мир.

Контрольной полосой проходит вдоль корпуса освещённая зона шириной в пару метров. Нос корабля вспахивает борозды, они расходятся в стороны, пытаюсь прихватить её и унести с собой, но та не поддаётся, возвращаясь на место, и граница остаётся нетронутой.

А за освещённой зоной всё тускнеет и погружается в призрачную мглу. Бурлящие водяные потоки сталкиваются, рождая возмущённые всплески, бесследно исчезающие в чёрной пучине. Зловещие силуэты волн становятся хищными и расчётливыми. Лишь изредка, словно засланные разведчики, случаются яркие таинственные гребешки, что гаснут через мгновенье, накрываемые невидимой исполинской ладонью.

А дальше в крошечной темноте море ждёт. Чудится бездонное осторожное дыхание огромного водяного вала, за которым скрывается ещё один, а дальше ещё и каждый последующий внушительнее предыдущего. Точно копимые

непрощённые грехи человечества, готовые в любой момент накрыть, сокрушить и разметать примитивные преграды, созданные земной цивилизацией.

И только узкая полоска света пугает необузданную стихию, как дикого зверя страшит огонь. Она замирает, удивлённо заглядывая в иллюминатор, где беспечные ни о чём не подозревающие люди веселятся, радуясь каждому новому случаю быть вместе, желать и мечтать...

Часть 1

Время перемен

Глава 1

Преступление

Уроженец Ленинграда Павел Косых, худенький кареглазый чернобровый паренёк, всегда хотел быть подводником. И несмотря на старания родителей-музыкантов направить сына в консерваторию, от мечты не отступился. Откуда взялась такая фантазия, он догадывался. С детства запоем читал книги Жюль Верна, вперемешку с рассказами о субмаринах и аквалангистах. Смотрел передачу «Вокруг света», воображая себя покорителем сумрачных глубин. В школе учился отлично, чтобы поступить в Военно-морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола. Но медкомиссию не прошёл и с горя подал документы в университет на юридический факультет.

Учился с интересом, а когда призвали на годовичные сборы, вспомнил о мальчишеских грёзах и попросился в Военно-морской флот. Одел чёрную форму лейтенанта, да так и остался в ней, только подал рапорт, чтобы перевели поближе к субмаринам.

Но старания родителей не прошли даром, и Павел любил классическую музыку, даже сам немного музицировал во время учёбы на фортепьяно, собирал коллекцию любимых пластинок.

В итоге оказался стройный молодой офицер на службе в прокуратуре военного гарнизона Видяево под Мурманском. Населения меньше семи тысяч, а военнослужащих и того меньше. За год освоился с белыми ночами летом и лютыми колючими ветрами зимой, получил очередное звание старшего лейтенанта. Но как молодого сотрудника, прокурор продолжал ставить его на дежурство в большие праздники.

Так, День подводника 19 марта 1993 года Косых справлял в своём кабинете военной комендатуры, лёжа на продавленном кожаном диванчике под затёртой шинелью. Слушал за окном звуки весёлого гулянья, праздничного салюта и органной концерт Баха. Под зарева многочисленных сигнальных ракет, освещавших стены и потолок небольшого помещения, размышлял о своей судьбе.

По всеобщему мнению местных жителей, прибыл он в поселок подводников не в самые лучшие времена для страны. Топлива не хватало, и лодки всё чаще оставались прикованными к причалам. Их корпуса ветшали, покрывались ржавчиной и плесенью. Часто случались аварии на городских сетях и коммуникациях – дома оставались без света и отопления даже зимой. Граждане приносили в квартиры самодельные буржуйки – трубы выводили в форточки.

С продуктами тоже была проблема. Только спиртное завозили регулярно, отчего доблестные моряки, вынужденные бездельничать, начали спиваться прямо на берегу. Семьи распались.

Разгул криминала не обошёл и это маленькое поселение. Стали случаться кражи, изредка – грабежи и разбои.

На душе Косых было грустно, классическая музыка утешала.

Утром следующего дня, выслушав его доклад о спокойном дежурстве, военный прокурор иронически усмехнулся:

– Небось выпался, Павел Иванович? А город-то гулял, так что иди, пожинай плоды праздника! Позвони дежурному на гауптвахту, чтобы они забрали из отдела милиции убийцу-насильника. Оперативники уголовного розыска задержали и уже раскололи. Он явку с повинной написал. Так что всю работу за тебя сделали, не забудь им бутылку коньяка поставить.

– Есть! – с лёгкой досадой отозвался Косых, вытянулся по стойке «смирно» и чуть не отдал честь, вовремя вспомнив, что фуражки на нём нет.

Особо тяжкие преступления против личности здесь были пока в большой редкости, и он готовился приложить все свои знания и небольшой имеющийся опыт в изобличении преступника.

Через час подозреваемый был в кабинете Косых. Им оказался штурман подводной лодки капитан-лейтенант Семён

Петрович Сомов. Лет на десять старше Павла, коренастый качок с толстыми ногами колесом. На голове рыжие короткие всклокоченные волосы с начинающейся проплешиной, под носом гусарские усы-стрелочки, а на щеках розовый детский румянец. Выглядел непрезентабельно: разорванный у ворота тельник приоткрывал часть татуировки на груди в виде тупого носа подводной лодки. Мятые тренировочные с вытянутыми коленями и затёртые старые шлёпки на ногах.

Левый глаз офицера заплывал фиолетовым синяком. Парень дрожал от холода, обнимая себя руками, зубы клацали, и он сжимал их, изредка вздрагивая головой.

– Кто это вас? – отпустив конвой, поинтересовался Косых, сидя за столом, открывая переданную из милиции папку с материалами.

– Ударился о перископ, – пробубнил Сомов, холодно блеснув голубизной здорового глаза. Слегка коснулся пальцами опухоли, – до свадьбы заживёт.

– Ещё не женат? – усмехнулся следователь.

– Почему же... женат. Дочке десять лет.

– О какой же свадьбе идет речь? – ехидно заметил Косых.

– О дочкиной, – произнес Сомов и резко отвернулся к окну, в здоровом глазу на секунду появился влажный блеск. – Можно сесть? А то всё тело болит.

– Может, сначала к врачу? – настороженно спросил Павел. Он знал, что уголовный розыск частенько перегибает на допросах.

– Потерплю. – Сомов понял вопрос как разрешение и, прижав левую ладонь к правому боку, осторожно потёр, устроился на стуле напротив.

Павел глядел на задержанного офицера. Внимательно рассматривал его лицо, одежду, манеры, вслушиваясь в интонации голоса, стараясь проникнуть в душу подводника, ожидая, что вот-вот почувствует ненависть к этому жестокому убийце. Но праведное возмущение не приходило, испытывал только искреннюю неуместную жалость. Отчего наступало разочарование, что не может использовать свой командный зычный голос, требовательные жесты и агрессивные позы, помогающие изобличению, чему учили на кафедре психологии.

Сомов увидел на столе графин и попросил воды. Пил жадно, без остановки осушил пару стаканов. Затем снова тёр правый бок, попросил:

– Сигареткой не угостите?

– Не курю, – сообщил Косых, – так что терпите, а лучше бросайте.

– С такой службой бросишь, – огорчённо вздохнул Семён.

Павел решил прочитать явку с повинной в надежде внутренне настроить рабочую обстановку и углубился в текст. На бумаге всё выглядело наивно и просто: Сомов напился в Доме офицеров, пошёл домой, зайдя в парадную, встретил молодую соседку с верхнего этажа, решил её изнасиловать. Чтобы сокрыть следы преступления – задушил.

Как-то все это показалось Косых искусственным, точно в дешёвом детективе. Он снова посмотрел на преступника, его накаченное крепкое тело. Постарался представить, как легко оно преодолевает сопротивление бедной девушки; покрытые венами мускулистые руки широкими ладонями закрывают её рот, сжимают горло; возбужденные голубые глаза наблюдают последние минуты жертвы.

Всё это не складывалось в гармоничную единую картину, и он решил разобраться самостоятельно с самого начала. Отложил явку и внимательно посмотрел в лицо подозреваемому.

Румянец сошел со щёк подводника, оно стало бледным и настороженным. Неожиданно он поднял взгляд на следователя и твёрдо, спокойно произнес:

– Всё, что там написано, – ложь!

Косых напрягся от неожиданности:

– Зачем же вы её писали?

– Попробуй не напиши, – усмехнулся Сомов, мягко хлопав ладошкой по телу, там, где тёр, – думал – убьют. Опер отмороженный громила попался! Кулачище – во! Да я не в обиде. Понимаю их. Такое с девушкой совершить! Только я здесь ни при чём.

Неожиданно в коридоре послышался шум и женские возмущённые крики. Павел быстро встал и подошёл двери, распахнул её настежь. В кабинет ворвалась молодая растрёпанная женщина в расстёгнутом пальто, её удерживал мичман,

мягко уговаривая:

– Не положено, дамочка, здесь следствие идёт! Не положено...

– А голого человека морозить положено? – возмущалась нарушительница. В руках у неё был старый потёртый бушлат, и она бросила его в кабинет на пол. – Убить хотите героя-подводника? В море не утонул, так давайте здесь его простудим, чтобы до суда не дожил? Я же с ним была! Почему меня никто не допрашивает? Милиция меня не застала внизу – я звонить ходила! А то бы двоих арестовали?..

Мичману всё же удалось вытащить её в коридор и захлопнуть дверь. Но возмущённые женские крики не прекращались:

– Как вам не стыдно! Схватили первого попавшегося и на него всё валите! Он же офицер...

– Разберёмся, разберёмся... – увещевал мужской голос, – идёмте, дамочка...

Через пару минут шум и крики затихли.

Косых поднял бушлат, проверил карманы и протянул его задержанному:

– Одевайте. Это кто была?

– Жена, – нахмурился Сомов, просовывая руки в рукава и застёгиваясь на все пуговицы.

– Где ваша тёплая одежда?

– На экспертизу забрали.

– А... ну да, – вспомнил Павел, – садитесь, будем продол-

жать. – Он достал из стола протокол допроса, переписал из «явки» анкетные данные, посмотрел на подводника. – Рассказывайте всё по порядку, Семён Петрович. Кстати, где вы родились?

– В Ленинграде, – отозвался Сомов.

Косых почувствовал, как что-то близкое ударило в грудь, наполнило душу ностальгическим родством и трепетным ожиданием. Но виду не подал. Вспомнил своих родителей, которых видел только в отпуске прошлым летом. Те жили в центре города. Вместе ходили гулять по Невскому проспекту до Зимнего дворца на Стрелку Васильевского острова. Ездили на машине купаться в Сестрорецк, в Рощино рыбу ловили. Подумал, что скоро снова их увидит. Стряхнул марево воспоминаний:

– Начните со вчерашнего вечера!

Сомов перестал дрожать, казалось, что после визита жены даже повеселел:

– Праздник был, вы же знаете! Все подводники гуляли, в клубе собрались. Поздравления от начальства, вручения наград. А потом веселье началось. Столы накрыли, музыка, танцы.

– Вы с женой были? – прервал Косых.

– Конечно! В такой день! – улыбнулся Сомов. – Недавно только с дальнего похода вернулся.

– Во сколько праздник закончился?

– Я не знаю, ребята ещё оставались, мы домой пошли. У

нас же дочка одна ждала дома.

– Так сколько было время?

– Может, час или два!

– С женой пришли домой, а дальше?

– До квартиры не дошли, увидели девушку на лестнице!

Косых заглянул в «Явку с повинной»:

– Здесь вы пишете, что вернулись с женой домой, а потом поссорились, снова ушли один, хотели продолжить поселиться.

Сомов нахмурился, недовольно засопел:

– Что мне сказали, то я и написал, – демонстративно погладил ладонью свой бок.

– Ну предположим. Кто видел, как вы возвращались вдвоём?

Сомов пожал плечами:

– Все видели. Мы ещё через площадь шли, там фейерверки запускали, командир мой был и его жена. Наш судовой кок нас видел!

Косых записал установочные данные свидетелей, затем внимательно посмотрел на подводника, стараясь уловить малейшее сомнение или неточность:

– Когда к парадной подходили, никого не видели?

– Нет.

– Что дальше?

– Зашли с женой. Свет тусклый. Вижу, кто-то на лестнице лежит. Вроде девушка. Шубка расстёгнута и под ней одежда

разорвана. Я пошевелил её, думал, пьяная. От неё сильно воняло алкоголем.

– Вы её узнали?

– Конечно! Людка Петрова с пятого этажа, работала официанткой в кафе. Она над нами жила. Молоденькая разведёнка. Симпатичная девушка, мужиков постоянно к себе водила.

– С чего вы взяли?

– Ну, мужа нет, а сверху постоянно кровать елозит по полу, музыка и даже стоны слышны, частенько ссоры с утра. Изоляция ни к чёрту. Да и видели не раз, как ухажёры к ней на этаж мимо нас идут, некоторых она сама приводила. Все соседи по подъезду это знали. Жена говорила – даже милицию как-то вызывали, когда её поклонники решили между собой счёты свести, мебель крушили. Я тогда в автономке был.

Павел заметил, как разговорился задержанный, точно тема эта была ему знакома не понаслышке. Отметил себе в блокнот прояснить данный момент у милиции. Затем снова поднял взгляд на задержанного офицера:

– Дальше рассказывайте, что было?

Сомов пожал плечами:

– Жена побежала домой на четвёртый этаж в «скорую» звонить. А я попытался в чувство девушку привезти – нас же учили на флоте. Проверил пульс. Ранений и крови не увидел. Стал делать массаж сердца, искусственное дыхание. Вроде

задышала. В этот момент на первом этаже дверь открылась, и соседи выглянули, увидели меня. Я им говорю – помогите девушку затащить в квартиру! Вместе и занесли. Потом приехали врачи, они же милицию вызвали. Ну, меня и забрали сразу.

– А жена? – поинтересовался Косых.

– Я её не видел больше. Наверно, когда спустилась, узнала, что меня увезли в ментовку.

Косых подробно записал показания в протокол, переспрашивая и уточняя некоторые моменты. Затем спросил:

– Ну а что в милиции?

– Там сказали, что девушку задушили и, возможно, изнасиловали. Моему рассказу не поверили. Потребовали, чтобы я признавался, в карцер посадили. Вещи забрали, к доктору возили, чтобы образцы сдал. Приходили с резиновыми палками. – Сомов расстегнул телогрейку и задрал тельник, показывая на боку чёрные полосы. – Пришлось писать явку под диктовку, обещали отпустить, подписку дать о невыезде.

Косых покачал головой, снова предложил:

– Может, в травму?

Сомов махнул рукой:

– Надеюсь, вы найдёте убийцу.

– Найдём, – кивнул Косых, он начал писать протокол и через некоторое время дал подводнику расписаться. Вызвал из коридора мичмана, отправил Сомова обратно на гауптвахту.

В тот же день Павел допросил жену и всех немногочислен-

ных свидетелей, указанных Сомовым. Те подтвердили всё, что он рассказывал. Правда, командир подводной лодки засомневался во времени, поскольку ему казалось, что видел штурмана с женой часом раньше. Но мог ошибаться. Все были пьяные и весёлые – на время не смотрели.

Начальник уголовного розыска сообщил, что бушлат и образцы Сомова отправлены в Мурманск на экспертизу, обещали сделать в ближайшее время.

Соседи с первого этажа, где произошло убийство, подтвердили, что услышали на площадке шум, решили выглянуть, увидели парня, склонившегося над девушкой. Подумали, что парочка забавляется на лестнице, но это оказался Сомов, он позвал на помощь. Перенесли девушку к себе и стали вызывать «скорую». Затем приехала милиция. Знали Сомова и его жену больше десяти лет, как только заселились в этот дом, характеризовали их положительно.

Через день в военную прокуратуру заехал начальник уголовного розыска Александр Михайлов. Маленький щупленький майор с болезненным старческим лицом и папкой под мышкой. Был одет в толстый чёрный пуховик, походил на гигантский мяч на тоненьких ножках. Прошёл в кабинет Косых и без приглашения уселся в кресло напротив:

– Что скажешь, старлей? – поинтересовался он. – Карточку на раскрытие по убийству с изнасилованием отправил в информационный центр? Нас не забыл вписать? – резко закашлялся, закрыл рот маленькой морщинистой ладонью.

– Не отправил, – хмуро сообщил Косых. – Вы зачем парня избили?

– Мы? – громко удивился майор. Откинулся на спинку, заболтал короткими ножками, расстегнул куртку, расправил узкие плечи. Но затем резко изменил интонацию, заговорил неожиданно глубоким и сильным голосом: – Да говорил я этому обормоту оперу своему – хитрить надо, обманывать, ловить на противоречиях! Он же debil, мастер спорта по калчалке, устроился к нам недавно. Чему его могли выучить за два месяца в центре подготовки?

Косых покачал головой:

– А ты на что?

– Я на что... – Майор снова закашлялся, погрузнел. – С больнички не вылажу! Тубик схватил где-то, комиссию прохожу. Наверно, уволят.

Семён понимающе вздохнул:

– Скажи спасибо, что Сомов отказался травмы фиксировать, а то бы вас обоих с мастером спорта в КПЗ закрыли.

– Мне уже не страшно, – усмехнулся майор. – Да ты не гони! У нас половина ментов так работает!

– Вот и плохо, а вы, начальники, их не учите...

– Да некого учить! – эмоционально прервал Михайлов, лицо его сморщилось сильнее. – В прошлом месяце один в Мурманск перевелся, двое уволились, уехали на Большую землю. С кем работать? Называется начальник уголовного розыска! У меня в подчинении два головореза! Я уйду – то-

гда попляшете здесь!

– Вы свидетелей опрашивали? – спокойно поинтересовался Косых.

– Каких свидетелей? – возмутился майор. Открыл папку и вынул из неё несколько документов, положил на стол. – Вот результаты исследований. Сперма из убитой Петровой первой группы, такой же, как и кровь Сомова. Микрочастицы с его бушлата совпадают с одеждой убитой. Что ещё надо? Какие свидетели?

– Следствие должно быть объективным, – спокойно возразил Косых. – У меня тоже первая группа крови. А микрочастицы Сомов подхватил, когда пытался девушку в чувство привести, а потом затаскивал в квартиру на первом этаже. – Неожиданно ощутил возмущение: – Почему вы не опросили жену Сомова? Они же вдвоём девушку нашли!

– Чего её опрашивать? Она же театральная окончила в Питере! Актриса! Врёт всё сволочь! Мужа своего спасает, стерва. А он точно убийца!

– Ну откуда такая уверенность?

Михайлов встал со стула, уперев кулаки в стол, приблизил своё лицо к следователю. Зашептал с ненавистью:

– Я их по запаху чувствую! Пятнадцать лет в мурманском убойном отделе проработал, потом здесь. Как начинаю допрашивать, они трупным запахом смердят. Точно это не он убил, а его убили. Мертвецом начинают жить, тухлятиной! Понимаешь?

Косых оторопел, по спине прошёл холодок. Он прижался к спинке кресла и с ужасом смотрел в перекошенное почерневшее лицо майора. Видел, как многочисленные ранние морщины, точно червяки, извиваются под загорелой обветренной кожей.

– Вот так! – продолжал Михайлов. – Не посадишь его – всю жизнь будешь об этом жалеть, во сне будет сниться девушка, наяву будешь вспоминать! Уж я это знаю, проходил!

Майор выпрямился, забрал со своего кресла папку и вышел из кабинета.

Глава 2

Дружба

Через три дня Сомова выпустили с гауптвахты под подписку о невыезде. Он вернулся к своим служебным обязанностям и как бы пропал с поля зрения Косых. Но Павел о нём не забывал. Срок ведения уголовного дела два месяца, и он продолжал ответственно расследовать все обстоятельства убийства девушки. Проверял её связи из числа мужчин, которые приходили к ней в гости, ухажеров, пытающихся завладеть её вниманием в кафе, и случайных знакомых, оказавшихся рядом с девушкой в праздник. Даже одного задержал на трое суток, который когда-то кричал на весь подъезд, угрожая Людмилу убить, после того как она непустила его в квартиру.

С постановлением о приостановке уголовного дела по факту изнасилования и убийства Петровой, Косых явился к военному прокурору точно в срок.

– Ты уверен, что сделал всё возможное, чтобы найти убийцу? – спросил тот. – Вопрос с ДНК решил?

– В деле справка имеется. Начальник уголовного розыска Михайлов пробы с биологическим материалом направил в Москву сразу после осмотра девушки и задержания Сомова.

Прокурор тяжело вздохнул:

– Хорошая задумка это ДНК, жаль, что только начинают

с ней работать. До сих пор не разработали методичку. Приятель из Мурманска говорил, что тоже отсылали пару раз в Москву, но всё без ответа. Пусть хотя бы сохранили биологию!

Косых согласно кивал, понимая разочарование начальника.

После утверждения постановления военным прокурором приостановленное уголовное дело было возвращено в городскую прокуратуру. Уголовный розыск завел оперативно-поисковое дело и продолжил проводить негласные мероприятия по установлению преступника и сбору доказательств.

Александра Михайлова комиссовали, а через полгода он умер в больнице от туберкулёза, пришёл новый молодой начальник.

А в апреле следующего года случилось скандальное происшествие, всколыхнувшее всё население Видяево.

Матрос-контрактник Дмитрий Стрелков служил при особом отделе на Береговой базе. Во время несения службы завладел оружием, стал стрелять по своим сослуживцам и офицерам.

Следствие пришло к выводу, что обиделся он на приятеля, который пригласил отметить свадьбу. Так напились и горланили, что попали в комендатуру. После чего и затаил злобу – задумал месть.

Сначала расстрелял своих корешей. Просто вывел из кубрика и прошил очередь из автомата. Потом захватил ма-

шину и поехал домой к жене объяснить, почему так вышло, но гарнизон уже был поднят по тревоге. Отстреливаясь, Дима сумел убить ещё несколько человек, а других ранить. Добрался только до стоянки кораблей и спустился в трюм. Взяв заложников, стал требовать спиртного, закуски и собеседника.

Всё было выполнено даже с излишком, поскольку osobist капитан-лейтенант Гена Кашин, начальник Стрелкова, добавил в ликер через пробку снотворное, а потом и побеседовал, слушал откровения, полусонного связал. В ярости хотел застрелить, даже пистолет приставлял к его голове, но не смог.

В расследовании этого дело Косых принял самое непосредственное участие, поскольку приехала комиссия из Мурманска во главе с заместителем военного прокурора области.

И надо же было такому случиться – во время проведения следственного мероприятия «Проверки показаний на месте» под руководством Павла Стрелков выпрыгнул из машины и сбежал, скрылся среди прибрежных шхер. Искали несколько дней безрезультатно.

Прокуратура была в шоке, силовики «стояли на ушах». Такой прокол едва не дошёл до Москвы. Начались срочные поиски. Подключили личный состав военного гарнизона. Задействовали соседние воинские части и вертолёт.

Тут-то и проявил себя геройски штурман подлодки Семён Сомов, которого уголовный розыск продолжал отраба-

тывать на причастность к убийству с изнасилованием Людмилы Петровой. Совершенно случайно встретил он Стрелкова на побережье среди камней, узнал. А затем выследил и самостоятельно легко обезвредил преступника, поскольку был тот уже измождён и обессилен.

Награды подводник не получил, но благодарность Военной прокуратуры не знала границ.

– Видите, какой герой! – восхищался Косых своим бывшим подследственным, стоя на ковре у начальника. – А мы его хотели в тюрьму.

– Считай, что ты его спас, – хмуро отнекивался военный прокурор Видяево, – а теперь он тебя! Я материальную помощь выписал на твоё имя, положи в конверт и сходи, поблагодари! Подводникам зарплаты задерживают, пусть порадуется.

– Есть! – радостно отозвался Косых и направился в бухгалтерию за деньгами, а на следующий день вечером после службы уже звонил в дверь капитан-лейтенанта.

Сомов оказался дома вдвоём с дочкой. Они как раз накрывали на стол. Увидев на пороге следователя Военной прокуратуры, Семён замер и побледнел. Взгляд стал настороженным.

– Расслабься, – улыбнулся Косых. – Начальство тебе премию выписало за поимку Стрелкова! – протянул конверт с деньгами.

На лице Сомова расплзлась белозубая счастливая улыбка.

ка, голубые глаза засияли, появился румянец, он осторожно взял конверт, ощущая пальцами его толщину:

– Проходите! – засмутился. – Только мы не готовились. Вот ужинаем с дочкой, чем Бог послал, жена в отпуск уехала.

Из комнаты вышла светловолосая девочка-подросток, в ярком платье и красочном фартуке, отрывисто поздоровалась:

– Здравствуйте!

– Соня, это Павел Иванович, – представил Косых.

Девочка посмотрела на погоны гостя, горделиво уточнила у отца:

– Твой подчинённый?

Сомов смущённо улыбнулся в лицо следователя.

– Коллега, – пришёл на помощь Косых.

Соня измерила гостя презрительным взглядом:

– Тогда раздевайтесь, надевайте тапочки, мойте руки и за стол! Я уже накрываю!

Павел улыбнулся командному тону подростка, но возражать не стал. Снял бушлат, переобулся. Обратил внимание, что на вешалке одежда только мужская и подростка.

Сомов проводил гостя в ванную комнату, где тот помыл руки.

Кухня была маленькая, как и во всех двухкомнатных хрущёвках. Косых сел на узенький угловой диван. В этот момент послышался шум на верхнем этаже, затем заплакал маленький ребёнок. Павел поднял голову, вспомнил, что там нахо-

дилась квартира убитой Петровой, спросил:

– А кто там сейчас?

Сомов смутился нахлынувшим воспоминаниям, подозрительно посмотрел на следователя:

– Молодая семья заехала, изоляция ни к чёрту!

Соня раскладывала по тарелкам варёную картошку с тушёной, заботливо приговаривала:

– Кушайте на здоровье! Кому не хватит – есть добавка! – вынула из холодильника трёхлитровую банку с маринованными огурцами и поставила на стол, порезала хлеб.

– А куда хозяйка уехала? – поинтересовался Косых.

– Я за хозяйку, – строго сообщила девочка, – а мама в отпуске, поехала бабушку навестить в Ленинграде. Когда я закончу учёбу, тоже к ней поеду. Может, вам по стопочке? – Она достала из холодильника початую бутылку водки и выставила на стол, взяла из буфета две стопки. – Не стесняйтесь!

Мужчины ели неторопливо, пили водку, обсуждали обстановку в эскадрах.

Быстро поев, Соня встала и положила свою тарелку с вилкой в мойку:

– Пойду уроки доделаю, а вы можете ещё поболтать. Я потом посуду помою, – вышла из кухни.

Как только за ней закрылась дверь, Косых поинтересовался:

– Вроде как время не отпускное, снег лежит, может, ро-

дители жены плохо себя чувствуют?

Сомов внимательно посмотрел на следователя, покосился на дверь, заговорил приглушённо:

– В Псково-Печерский монастырь она подалась паломницей на месяц. Поклялась в прошлом году, что если меня отпустят, будет Бога благодарить. Теперь по скитам разным да храмам разъезжает.

– Она что, у тебя такая верующая? Что-то я не заметил, – удивился Косых.

– Была не очень, а после убийства Петровой сначала в Мурманск ездила к какому-то батюшке, а вот теперь на работе в Доме культуры отпуск взяла. Сказала на месяц. Не звонит.

– Что же вы вдвоём живёте?

Сомов кивнул:

– Пока вдвоём...

Спиртное расслабило мужчин, нелёгкая жизнь военного городка волновала и сближала обоих. Подходила к концу полярная ночь, и всё население уже стремилось к «белым ночам» короткого лета. Это предвкушение заполняло душу каждого.

Косых захмелел, сердце заполонили давние мечты о море:

– Семён, ну а как там, на подлодке, под водой-то? – с ностальгией поинтересовался он.

Сомов пожал плечами:

– Обычно... Места маловато, а так ничего... Служба!

Привык уже.

– Ну а в первый раз, когда на лодку попал, какие впечатления были? – допытывался Косых.

Сомов усмехнулся:

– В первый раз я в рубку спуститься не мог, точно каракатица ногами ступени перебирал. Каюта только у командира – спал, где придётся. Чтобы не тошнило от качки, постоянно галеты жевал, когда лодка в надводном положении идёт – её как бочку крутит. А когда дизель включается, воздух сосет из отсеков – сквозняк просто ужас! Громкая связь постоянно работает – кто куда пошёл докладывают, или поступившие команды выполняют. Эта болтовня отдыхать днём не даёт. Ну что, достаточно или ещё рассказывать?

Косых усмехнулся:

– Достаточно, – положил руку на плечо Сомову, – ты знаешь, я ведь тоже поступал в Военное училище Ленинского комсомола, хотел быть подводником, но медкомиссию не прошёл и подался на юрфак в университет. А так бы, может, с тобой служил, под твоим началом. Север мне нравится!

– Можно на «ты», а? – в пьяной расслабленности спросил Сомов.

– Конечно, Семён! – улыбнулся Косых.

Подводник взял его за плечо и слегка придвинул к себе:

– Давай как-нибудь утречком приходи на базу! У тебя же есть разрешение, пройдёшь через КПП. Я тебе экскурсию по лодке проведу! Топливо неизвестно когда поступит, мы у

причала стоим уже давно.

Глаза Косых заблестели желанным мечтательным огнём:

– Давай! – достал записную книжку. – Какой у тебя телефон, я как соберусь, тебе накануне позвоню!

Сомов неожиданно с досадой почесал затылок:

– Сейчас скажу, я ещё не успел его запомнить, подключили недавно. – Подводник вышел из кухни.

Павла внезапно прошиб пот – он задумался: как жена Семёна год назад ушла вызывать «скорую» убитой девушке, если дома не было телефона? Или она к соседям ходила звонить, а потом – домой вернулась? Что значит – недавно подключили – может, номер поменяли? Из глубины памяти всплыло болезненное коричневое лицо начальника розыска Михайлова. Оно издевательски усмехалось...

Возвращение Сомова прервало мысли следователя. Семён радостно продиктовал номер, который Косых и записал, поинтересовался:

– А правда, твоя жена актриса?

– Да, – подтвердил Сомов. – Окончила в Питере театральное училище на Моховой. Пока училась, сыграла несколько спектаклей, потом в театре поработала и бросила – уехала со мной на Север!..

С тех пор началась у подводника и следователя дружба.

Вернулась из поездки Елена. С запоем рассказывала о красотах монастыря, о службе, о мудрых советах бабушки.

Косых тогда так и не понял, зачем она ездила – то ли на

экскурсию, то ли молиться.

Суд над Дмитрием Стрелковым случился очень быстро. Никто не хотел затягивать расследование, снова поднимать шум.

Погибших военнослужащих похоронили с почестями, но без героических речей.

Сам обвиняемый вину свою признал полностью. Доказательств было больше чем достаточно, оставшиеся в живых свидетели продолжили нести службу на местах. Так что через месяц после окончания следствия начались первые судебные заседания, а ещё через два Военный суд приговорил Стрелкова к смертной казни.

Несмотря на то что карьера Павла Косых не пострадала, личная жизнь не складывалась. Женщин было много, но за душу не трогали. Приводил их в общую компанию Сомовых. Устраивали вместе шашлыки в горах, ходили на концерты изредка приезжавших музыкантов, зимой катались на коньках по замерзшему льду речки Урице, протекающей через посёлок.

А через год Павел уехал в Мурманск на повышение и получил там квартиру.

Сомов тоже продвигался по службе и скоро стал командиром подводной лодки. Но встречаться с Косых не прекратили. Несколько раз вместе ездили в отпуск к родителям Семёна, которые владели дачей на берегу озера.

Впервые увидев это чудесное место, Павел обомлел от

окружающей красоты. Дома стояли на возвышенности, а внизу простиралось прозрачное лесное озеро, на противоположном берегу едва виднелись старенькие дома, в которых ночью горели огни, точно многочисленные причалы для стоянок кораблей. Решил, как только выйдет в отставку, обязательно купит или построит здесь дачу себе.

Часть 2

Прошло тридцать лет

В тусклом рассеянном свете коридорного ночника плотный коренастый дед Семён, стараясь не скрипеть деревянными половицами, осторожно подошёл к детской спальне и тихонько приоткрыл дверь:

– Фома, не спишь?

Над детской кроватью погас светившийся прямоугольный экран айпэда. Внук вздрогнул и притих, боясь, что его застали с планшетом – дед был строг и злопамятен. Но по таинственной доверительной интонации голоса почувствовал, что взбучки не будет, смахнул чёлку с глаз, придал голосу слащавости:

– Нет, дедушка, а что вы хотели?

Ночной гость, стараясь в полумраке не задеть мебель, мягко ставя войлочные тапки, прошёл к большому окну и медленно, чтобы не звенели кольца, раздвинул шторы:

– Смотри, что я тебе покажу! – затем, нащупав ладонью позади себя деревянную спинку кровати, сел на край. Почувствовал, как внук приподнялся на постели и придвинулся к нему, прижался горячим юным телом к спине, положив ладони на плечи. От проникшей внутрь теплоты по коже побежали волнующие сладкие мурашки. Оба уставились в та-

инственную темноту за стеклом.

В непроглядной сгустившейся ночи, вдоль едва заметной расплывающейся береговой полосы противоположного берега озера, мерцали далёкие танцующие огни, отбрасывая на чёрную водную гладь светящиеся чешуйчатые пики.

– Это океанские суда и подводные лодки, стоящие у нас на рейде, – загадочным шёпотом произнёс дед.

Фома заморожённо смотрел на призрачное мельтешащее свечение, с душевным восторгом и восхищённым удивлением не веря своим глазам, а затем перевёл непонимающий взгляд на деда, пытаясь разглядеть в темноте выражение его лица:

– Разве по вашему озеру плавают большие корабли? Этого не может быть, дедушка!

– Может, милый... может! – Доброе улыбающееся в полумраке лицо Семёна Петровича повернулось к Фоме, он провёл пальцем по своим густым усам, в глазах отразился загадочный бархатистый блеск. Развернувшись боком, он обхватил большой ладонью худенькое тело мальчика и сильнее прижал к себе, почувствовал, как собственное волнующее томление передалось внуку. – Главное в жизни не то, что есть, а то, что мы видим, что чувствуем, к чему стремимся! И когда я в ночи наблюдаю эту картину, то верю, что снова вернулся из дальнего похода домой в свою родную гавань, где меня всегда ждут и очень любят.

Фома, слегка отстранившись, подозрительно посмотрел

на деда. В детских голубых глазах отразился далёкий туманный свет таинственных глубин...

Глава 1

Утро

– На поднятие флага-гюйса, ра-авняйсь! Сми-ирно! Флаг поднять! – зычный командный голос окончательно прогнал утреннюю дремоту, навеваемую едва слышимым шорохом листвы и предрассветным мелодичным пением птиц.

Стая серых лесных воробьёв с пугающим треском выпорхнула из ветвей и резко взмыла вверх, растревоженным роем сделав полукруг, растворилась в зелени крон деревьев.

Старая мохнатая овчарка в крытом вольере приподняла большую голову и внимательно посмотрела на своего хозяина через металлическую сетку. Затем встала и, резко отряхнувшись, оглядела лежанку из соломы. Увидев сбитую в сторону войлочную подстилку, поскребла её лапой, расправляя, легла на неё, свернулась клубком, сунув седую морду под пушистый хвост.

Солнце уже позолотило макушки могучих сосен, сгоняя предрассветную прохладу по косогору вниз, где через многочисленные раскидистые лапы елей проглядывало безмятежное озеро, ещё затянутое волнующейся девственной дымкой. Сочная перламутровая синь, медленно расширяясь от центра, освобождала всё пространство воды, сгоняла к берегам вздутое пенистое покрывало тумана.

С этой звучащей в тишине призывной команды начинал-

ся каждый летний день в жизни отставного командира подводной лодки капитана второго ранга Семёна Петровича Сомова и его внука, десятилетнего Фомы Будко, проводящего очередные летние каникулы в России, у дедушки в деревне под Петербургом.

Оба стояли, вытянувшись по стойке «смирно», одетые в чёрные трусы и полосатые тельняшки. Матросская бескозырка с надписью по канту «Варяг» была до бровей натянута на голову мальчика, прижимая светлые лохмы волос с длинной чёлкой на глаза. Две чёрные шёлковые ленточки с золотыми буквами, скручиваясь, спадали за спину юнги.

Кряжистый лысый отставник с толстыми волосатыми ногами колесом и густыми рыжими усами, закрученными вверх, нажал на кнопку магнитофона. Развернув мускулистые плечи, выставил в стороны локти. Торжественно, неторопливо стал тянуть за верёвку, идущую вверх по флагштоку. Там на высоте пяти метров, обогнув пластмассовый самодельный ролик, она спускалась, цепляя верхний край военно-морского флага, медленно поднимая его в высоту.

Под звучащий гимн России белый стяг с Андреевским крестом возносился, импульсивно вздрагивая крылом от редких порывов ветра. И поднявшись на самый верх, неожиданно расплескался, точно предупреждая, что маленький импровизированный плац с двумя замершими фигурами вот-вот устремится в бурлящую морскую пучину навстречу бушующим ураганам и свирепым штормам.

Утро опять было прохладным, и Фома как вчера начал дрожать от холода. Но продолжал настырно стоять, изо всех сил крепя себя изнутри грядущей ожидаемой мезтью. Едва сдерживал накопившееся с приезда возмущение, рвущееся наружу. Ему казалось, что конца не будет этим издевательством, пока он сам не прекратит их. Летний отдых снова превращался в рабское бесправное существование. Он с ненавистью косился на лысый череп деда и неслышно шептал про себя, едва разжав стянутые холодом губы:

– Ну, погоди же... ненавижу... ненавижу тебя!.. Ненавижу мать! Почему она приехала и отправилась спать в отдельную комнату? А не как раньше? Я мог бы в постели прижаться к ней, и дед не выгнал бы меня в этот раз на зарядку...

Утренний влажный воздух охлаждал голые ноги мальчика, поднимаясь вверх неприятными колючими мурашками, разрывающими тело на мельчайшие неуправляемые кусочки.

Музыка прекратилась, и Фома, опустив ладонь, сжав кулаки, сутулясь, медленно развернулся, намереваясь тихо покинуть плац, но тут же услышал голос деда с лёгким смешком:

– Эй, турок, команды «вольно» не было! Оставаться в строю! – кончики усов деда надменно вздёрнулись вверх, синие глаза заискрились ехидцей.

Фома резко развернулся и попытался снова вытянуться по стойке «смирно». Вскинул правую ладонь к бескозырке. Холод заставлял тело вздрагивать в унисон колеблющему-

ся морскому стягу на флагштоке. Пальцы руки, отдававшей честь, упирались в висок, чтобы голова не сильно вихлялась. Крепко сжав зубы, чтобы те не стучали, Фома напрягся, прижав левый кулак к бедру, упираясь локтем в поясницу. Ощущая беззащитность и мучительное унижение, стал укоризненно коситься на дом в надежде, что на крыльце наконец-то появится бабушка Оля. Но там было пусто.

Семён Петрович точно не замечал страданий внука, вытянув руки по швам и задрвав подбородок так, что в утренних лучах сверкала его совершенно лысая голова, скомандовал:

– Вольно, турок! Зарядка для согрева! – лихо упал на влажный от росы цемент и стал бодро отжиматься.

Фома с удовольствием энергично замахал руками, разгоня застывшую кровь, сжимая кулаки, выкидывал их в стороны, точно давая бой опутавшей детское сознание злости.

– Раз-два, раз-два, – считал Сомов, разгибая локти и в очередной раз приподнимая крепкое атлетическое тело. Затем вскочил и стал приседать, вытягивая руки вперед и грузно подпрыгивая.

Затаённый гнев Фомы моментально прошёл, он с радостью выполнял команды, ощущая гордость за очередное пройденное испытание. Перестал дрожать и, воспользовавшись моментом, медленно развернулся, снова намереваясь незаметно уйти в дом.

– Экипажу приготовиться к купанию! – прозвучал командный голос Сомова. – Можно взять полотенца и трусы

для смены.

Внук обречённо вздохнул – опять накатила безысходность. Мгновенно суксился, понутив голову, поплёлся в сторону бани, где на верёвках сушилось бельё. Повесил бескозырку на крюк, скинул в сторону чёлку с глаз, снял высушенные после вчерашнего купания плавки, переоделся. Закутался в большое махровое полотенце. Стал медленно спускаться по ступеням, направляясь к калитке.

Семён Петрович несколько раз подтянулся на перекладине, поджимая кривые волосатые ноги, а затем убрал магнитофон под навес, глянул на развевающийся флаг. Пальцем провёл под носом, стирая пот над верхней губой, приглаживая усы. На минуту замер. Представил, как в этот момент российские солдаты идут в атаку, освобождая Украину от нацистов. Знакомые подводные лодки, готовые к решительному бою, бороздят нейтральные воды Атлантики и Тихого океана, тайно подбираясь к берегам Европы и Америки. Ракеты с ядерными боеголовками нацелены в самое сердце враждебного Запада. Почувствовал, как душа заполняется горячим ощущением сопричастной гордости и ответственности за страну, поспешил за внуком.

Проходя мимо вольера, позвал собаку:

– Палтус, ко мне!

Старая мохнатая овчарка подняла седую морду, затем нехотя встала, угодливо замотала хвостом, глядя на хозяина.

– Пошли купаться! – Семён Петрович призывно махнул

полотенцем.

Пёс лениво со стоном зевнул, широко раскрыв пасть, стал тянуться, прогибаясь на передних лапах, затем оттопырил задние, собравшись в кучу, неторопливо поплёлся за хозяином.

– Лентяй, шевелись быстрее! – крикнул ему Сомов, выходя из калитки. Увидел впереди понуро бредущую фигуру внука, завёрнутую в полотенце, прибавив шаг, догнал и ласково потрепал его за плечо:

– Моряки воды не боятся! – обхватил тело ребёнка крепкой рукой под мышку, приподнял, прижав к себе, и так со смехом пронёс несколько метров.

Но это не разбудило активности Фомы, лишь немного приободрило. И тогда он схватил его за руку и побежал, легко таща за собой недовольного упирающегося внука прямо к небольшому пустынному пляжу.

Купаться Фома не любил. Даже в Турции, где жил с матерью уже несколько лет. На тёплом море почти не бывал, хотя до него на велосипеде было двадцать минут езды. Учился в местной английской школе отлично, знал язык и хорошо плавал в бассейне. Дополнительно выполнял тесты для будущего поступления в колледж. А когда наступала жара, мама привозила его в Россию к бабушке на дачу, сама возвращалась, чтобы продолжить посещение многочисленных обучающих семинаров и форумов с выездами в другие страны. За лето навещала сына не более одного-двух раз, ссылаясь на

чрезмерную занятость и необходимость зарабатывать деньги на жизнь.

Фома собрал все свои силы, сбросив полотенце и сандалии, ступил в воду. Она неожиданно оказалась теплее, чем воздух, и он, откинув чёлку с голубых глаз, побежал, с каждым шагом уверенней погружаясь в нагретое озеро, отдавая его спасительной мимолетной ласке, с наслаждением ощущая случайную заботу. Быстро поплыл кролем, затем повернулся на спину и, ловко закинув руки, перевернулся в воде, ушёл на глубину, коснулся дна и всплыл. Стал радостно отфыркиваться, глядя, как дед продолжает стоять по пояс в озере, окатывая лысую голову из наполненных водой ладоней.

Когда, уже переодевшись в бане, Фома снова направился в дом, прозвучала очередная зычная команда Сомова:

– Турок, стоять! Сегодня по плану сбор яблок для детского дома! – и уже мягче по-свойски добавил: – Как ты на это смотришь?

Фома знал: смотри не смотри, а собирать придётся. В душу снова нагрянуло огорчение. Ещё вчера с приятелем они планировали после завтрака играть в индейцев и сделали заготовки для луков и стрел. Оставалось лишь подобрать подходящую верёвку для тетивы. Её мог найти только дед, и дабы как-то подыграть, улыбнулся, постарался сказать как можно радостней:

– Хорошо, дедушка!

Сомов подошёл к нему вплотную и мягко погладил светлые длинные волосы внука большой мозолистой ладонью. Хотел заглянуть в отведённые, хранящие скрытую обиду, голубые глазки, сказать что-то ласковое, но не сдержался. Подумал, что в современных условиях войны воспитание должно быть мужское. Покачал головой, произнёс с укором:

– Экую гриву ты отрастил, глаз не видать, точно в монахи собрался? На войне не часто доводится душ принимать! Куда твоя мать смотрит? Может, подстричь тебя как у нас на флоте?

Фома резко дёрнул головой, сбрасывая ладонь деда, недовольно засопел остреньким курносым носиком.

Дед понял, что перегнул, смущенно коснулся усов, сменил тон:

– Ну, ты сам подумай, яблоки гниют на земле, а ребятишкам в радость поесть свежих фруктов. Кто о них позаботится? Родителей-то нет! Небось, уже и забыли, как настоящий белый налив пахнет! Вот Отец Никодим какой довольный был, когда мы им яблоки в пустынь привезли позавчера! Благословил тебя за труды, похвалил, обещал помолиться за наше здравие. Ну, согласись – жалко же, если яблоки сгниют на земле, а?

– Жалко, дедушка, – безразлично подтвердил Фома. Он подумал, что пока будет собирать эти яблоки и отвозить, проснётся мама и уйдёт медитировать на природу, друг Гордей не застанет его дома, а соперники по компьютерной иг-

ре обойдут, и придётся снова плестись в хвосте, выходить на новый уровень самостоятельно. К тому же яблоки собирать он не любил, да и всё остальное, что выращивал на своём участке дед: смородину, малину, груши, черешню, фейхоа. Но изредка приходилось. Когда ягода созревала и готовилась опасть, дед объявлял большой сбор, выдавал всем глубокие металлические миски.

Тучная телом круглолицая бабушка Оля вместе с ними садилась под куст и, ловко обирая ветки полными руками, быстро наполняла ягодами посудину. Иногда, когда дед не видел, она как бы невзначай черпала полную пригоршню из своей миски и высыпала внуку, хитро подмигивала рыжим деревенским лицом.

Фома собирал медленно по одной ягодке. Мешали толстые кожаные перчатки большого размера, неловко сидящие на руках. Когда-то давно его укусила пчела, но он это забыл, и только регулярные мамины напоминания того случая нагоняли на Фому панический страх перед всем жужжащим и стрекочущим в воздухе.

Голос деда снова стал ласковым, на круглом розовом лице появилась сладкая улыбка, усики вздёрнулись.

– Это совсем не долго. Пойдём завтракать, наберёмся силёнок и за работу!

Фома молча зашёл в дом. Вслед за дедом вымыв руки, хотел сесть за стол. Но Сомов с укором вздохнул, строго покачал головой и махнул, подзывая его к себе. Одной рукой об-

нял мальчика за плечо, прислоняя к своему боку, а второй начал креститься, глядя на большую икону в углу, зашептал, тихонько шевеля тонкими губами под ухоженными усиками:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго... Фома привык к постоянным благословениям и дедовским молитвам. Не возражал, когда Семён Петрович осенял его крестным знаменем, провожая ко сну или встречая утром, нежно целовал в лоб. Но молитвы зубрить не заставлял и креститься не учил, хотя было заметно, что ему этого очень хотелось.

Бабушка Оля накрывала на стол, суетилась округлым маленьким телом, пухлыми быстрыми руками держала черпак, раскладывала по мискам кашу, выставляла варенье, резала белый хлеб, ласково поглядывая на мужчин добрым беспокойным взглядом. С недоумением бормотала: «Вроде сковородка котлет была в холодильнике, не знаю уж куда делась, может, съели, а я забыла?»

Семён слышал бормотанье жены, мстительно ухмылялся посапывая.

Ожидая свою тарелку, Фома пылливо смотрел в румяное лицо деда. Душу всколыхнула затаённая обида. Увидев, что тот ничем не занят, откинув чёлку с глаз, позвал:

– Дедушка!

Сомов повернулся и с трогательной улыбкой посмотрел на внука.

– Дедушка, почему вы меня называете «Турок»?

Семён Петрович от неожиданности замер, затем надменно хмыкнул:

– А кто же ты? – пригладил усы, подтверждаяще закивал. – Турок и есть! Мать твоя сказала, что вы гражданство турецкое получили!

Лицо мальчика вспыхнуло от негодования, он надменно поднял подбородок:

– Тогда зачем вы каждое утро заставляете меня стоять на холоде по стойке «смирно» и слушать гимн России?

Бабушка замерла с половником в руках, маленькие глазки округлились.

Сомов ошарашенно умолк, задумался, брови хмуро сдвинулись к переносице, румянец сошёл. Почувствовал нелогичность своих поступков, хлебнул несколько ложек каши, осторожно отшутился:

– Это я тебя в нашу славянскую веру возвращаю!

– А маму вы уже вернули? – надменно с ехидцей поинтересовался Фома и криво усмехнулся.

Бабушка улыбнулась, ставя перед ним тарелку с едой.

Дед глубоко вздохнул. Лицо напряглось, поджимая губы, носогубные складки стали глубже, в голосе послышалась злость:

– Мать твоя точно родилась турчанкой или кем-то там

ещё... но не русская это точно! Нехристь! Не от меня! Надо бабушку Лену спросить. Только отсыпается целыми днями. А потом в исподнем по дому ходит с бокалом как привидение. Ночью приехала, а уже все кружки к себе в комнату перетаскала, чай налить не во что.

Фома в упор посмотрел на деда чистыми голубыми глазами, поднял остренький носик:

– Вы знаете, дедушка, если бы у меня был внук, я бы его не обижал и заботился о нём! Был ласковым и добрым!

Семён усмехнулся, но укор внука показался ему серьёзным, и он решил улыбнуться, растянул губы в приветливой улыбке:

– Я тоже добрый и ласковый!

– Какой же вы добрый, если постоянно обижаете меня и маму? – В глазах мальчика отразилось вежливое недоумение.

– Я обижаю, чтобы вы стали лучше, – поучительно произнёс Сомов.

Фома покачал головой, в его взгляде промелькнуло упрямое недоверие:

– Вы знаете, дедушка, мне кажется, что этого делать не стоит! Нельзя обижая человека, тем самым делать его лучше!

Бабушка Оля с осторожным удивлением слушала диалог родственников, но боясь продолжения, легонько стукнула своей пустой тарелкой по столу, привлекая внимание:

– Хватит вам спорить за столом! Перемирие! Здесь все дружно едят! – намазала маслом кусочек булки, протянула Фоме.

Дед и внук осторожно принялись за еду – каша была горячей.

Из коридора стало приближаться раздражённое мяуканье. Появился рыжий облезлый кот с недовольной приплюснутой мордой, остановился в дверях.

– Чарли! – обрадовалась бабушка. – Пришёл сметанки поесть? Ну, иди сюда. – Она стала постукивать по коленке, привлекая внимание животного. Но кот не реагировал, продолжал стоять, мяуканье становилось всё громче, в звуках появилась неприятная надсадность.

– Угомони этого Байдена, – взмолился дед, – или я в него тапком запусу! Чем старше, тем вреднее становится!

Бабушка быстро подошла к коту и взяла его на руки, погладила. Чарли притих. Бабушка села на стул, положив его на колени, накрыла мохнатую голову ладонью, стала мягко разминать кошачьи ушки. Кот заурчал.

– Такой старый, а тоже мурлыкает, – удивился Фома.

– А как же, милый, – улыбнулась бабушка, – он ведь тоже котёнком был и маму свою помнит, как она вылизывала его, молоком кормила и носила за загривок!

– Ну, вот и ты его своим молоком покорми! – усмехнулся дед, прихлёбывая кашу.

Бабушка с сожалением посмотрела на мужа, поднялась,

взяла на ложку сметаны и вместе с котом зашла в дом. Плюхнула сметану в кошачью миску на полу и опустила Чарли. Тот стал вылизывать. Вернулась, посмотрела в упор на мужа:

– Мне иногда кажется, что ты никогда ребёнком не был, сразу старым и лысым родился, с усами.

Тот усмехнулся, добавил:

– Да ещё и на подводной лодке!

Фому развеселил ответ деда, он улыбнулся, обида прошла, стал мешать кашу, остужая дуть на неё, прихлебывать.

Ольга набрала немного каши в черпак и положила себе в тарелку:

– Кому ещё добавить?

Дед с внуком молчали.

Семён Петрович отрезал ножом масла и плюхнул себе в тарелку:

– Кушай, Фома, как следует, у нас работы сегодня много, – обернулся к жене: – Как там Алексей, не встал ещё?

Бабушка распрямилась, внимательно посмотрела на мужа. Её фиалковые глаза затуманились. Черпак в руках опустился на стол, испачкав кашей скатерть. Глухо произнесла:

– Пусть поспит милый. Ему завтра рано уезжать, – неожиданно охнула, закрыла лицо руками и отошла к буфету, там, немного постояв, съёжившись, стала осторожно нарезать батон на столешнице.

Фома проводил её сочувствующим взглядом. Лёшу он любил. Тому было чуть за тридцать. Он приезжал не часто, но

каждый раз это был праздник с подарками и весельем. В доме начинала грохотать современная музыка, звучали интересные рассказы о его зарубежных поездках и случившихся приключениях. А на ужин готовилось что-то невообразимо вкусное, а ещё десерт. И теперь Фома не понимал, почему Алексею надо обязательно добровольцем ехать на войну, чем очень гордился дед Семён и рассказывал об этом всем друзьям и соседям.

Фома посмотрел, как тот быстро уплетает кашу, закусывая чёрным хлебом, при этом сопя и качая лысой головой, точно продолжая с кем-то беседовать, из-под седых бровей строго косится на жену.

«Она-то в чём провинилась?» – думал Фома, глядя на покрасневшее мокрое лицо бабушки. Он знал, что Алексей был её сыном от первого брака, но дед воспитывал его с детства. Хотел, чтобы тот поступил в военное училище. Но юноша не прошёл по здоровью и, окончив многочисленные курсы, стал классным поваром. Был нарасхват у известных ресторанов, ездил за границу, получал призы. И теперь собирался кормить на фронте бойцов.

Глава 2

Странное поздравление

Кто не знает в станице, где живёт известный судья Сиваш, за которым в былые времена каждый день приезжала чёрная блестящая иномарка с проблесковыми огнями, уносила с пронзительной сиреной, заставляя автомобили местных жителей замирать на обочине?

Пожалуй, это был здесь единственный особняк с большим участком, обнесённый металлическим решётчатым забором, за которым вместо парников и грядок виднелся ровно постриженный газон и огороженное сеткой, ныне поросшее сорняками поле для большого тенниса, где давно никто не играл.

Был здесь и бассейн, но с дороги он выглядел непонятным каменным нагромождением, заросшим плющом, а небольшая беседка рядом с ним казалась потайным убежищем из-за покрытых зелёной плесенью огромных пластиковых окон и дверей в пол.

Ещё лет десять назад здесь кипела активная жизнь, всё блестело и сверкало. Звучали голоса взрослых, слышался стук мяча, ударяющего в ракетку, раздавался хохот малышей, плескавшихся в тёплой воде бассейна. Затем всё стихло – молодёжь с детьми уехали. Куда – для сельчан оставалось загадкой.

Местные знали, что дом этот построен давно и принадлежал какому-то депутату с Украины, но был конфискован и неизвестным образом оказался в пользовании большой семьи судьи. И теперь гадали – что же могло произойти?

Судачили, что бывшие хозяева наложили на усадьбу проклятие.

Отставной председатель Судебной коллегии по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда Сиваш Леонид Михайлович, а ныне заслуженный военный пенсионер не любил рано вставать. Быть может, служба наложила свой отпечаток, и теперь он отсыпался за все годы, честно отданные родному отечеству. Наступило время, когда он мог полностью посвятить себя большой и дружной семье, о чём мечтал больше тридцати лет службы, но это оказалось теперь никому не нужно. Жена умерла от онкологии, когда он ещё служил на Севере, а как только началась война на Украине, сыновья и дочери с семьями уехали за границу и больше не возвращались, общались по ватсапу.

Так он лежал в постели и, как всегда, предавался воспоминаниям. Ночью ему снова приснились коллеги по службе, и вроде как он тоже изучал с ними уголовные дела, выяснял обстоятельства, принимал доклады подчинённых, отчитывался начальству. А проснувшись, пытался вспомнить, когда и где это происходило, о чём шла речь? Известные факты переплетались, судьбы героев переходили из одного эпизода в другой, и он не в силах был что-то изменить, разложить всё

по полочкам, как это делал в период службы.

Но чаще всего снился ему один и тот же сон – понятный и тягостный, в котором фигурировал молодой матросик. Леонид Михайлович уже не помнил, как того звали, и во сне он тоже казался безымянным. Но вот его остренькое бледное личико с дрожащими щеками и заплаканными красными глазами было вполне реальным, таким и запомнилось.

А суть состояла в том, что за всю свою судейскую службу вынес Сиваш только один смертный приговор. Вот этому двадцатидвухлетнему юнцу, который пострелял своих коллег по службе в береговой охране гарнизона Видяево Мурманской области. Дело казалось плёвым. Подсудимый вину признал, местная экспертиза подтвердила, что вменяемый. А глубже никто и не полез. Чего проще? Расстреляли – и забыли.

Сам Сиваш в то время был старше подсудимого всего на несколько лет и, примеряя на себя результаты следствия, был полон решимости приговорить матросика к высшей мере. И даже справку о смягчающих обстоятельствах не принял из Особого отдела, в которой говорилось, что подсудимый был из детдома, куда попал по причине убийства отцом его матери. И произошло это на глазах ребёнка. В таком случае надо было дополнительно запрашивать документы, характеристики, медицинские справки. А на это всё требовалось время, которого начальство не давало. Убивал матросик Северного флота не всех подряд, а только своего лучшего друга, да ещё

парочку товарищей, с которыми частенько выпивал, пользуясь попустительством начальства. И в этом случае необходимо было проводить служебные проверки, запрашивать Особый отдел на предмет неуставных отношений. Кроме того, подсудимый ранил ещё четверых – кто встали у него на пути, когда ему понадобилась машина, чтобы домой ехать к жене. Но не доехал – вовремя кордон поставили. Распущенность на службе до добра никогда не доводила.

С высоты нынешнего опыта Леонид Михайлович понимал, что надо было тогда парня отправить на более серьёзную медицинскую экспертизу, в стационар положить. Поставить психологам правильные вопросы. Тогда, возможно, вместо смертного приговора отправили бы бедолагу на лечение. Но в то время начальство торопило, не хотело, чтобы информация в Москву дошла. Чего проще – за три трупа и четырёх раненых вышку дать? Начальство из Мурманска одобрило. Так и сделали.

Матросик даже не жаловался на судебных разбирательствах, всё жену свою высматривал в зале, глаз с неё не сводил – видать, любил очень, со всеми доводами следствия соглашался.

Стал судья видеть этого парня во сне уже давно. Ещё когда перевелся с Севера в Калининград на следующую карьерную ступень, а через несколько лет появилась возможность поехать на юг. Коллеги посмеивались – фамилия Сиваш подходящая.

Так судья оказался на Северном Кавказе, получил высокое назначение, а позже – конфискованный дом.

Но эти перемены не остановили душевное волнение. В поисках успокоения как-то зашёл в местную церковь, с батюшкой поговорил, молитвы стал учить. И теперь каждый раз, просыпаясь, благодарил Бога.

Своих подчинённых Леонид Михайлович всегда уважал, голос не повышал, интриг не позволял. И теперь бывшие коллеги не забывали навещать ревностного поборника закона. Каждый праздник приглашали его в управление, чествовали вместе с другими ветеранами, дарили подарки, устраивали застолья. Помнили даже его день рождения. Пожалуй, это был единственный день в году, когда в доме всё оживало. Звучала музыка, раздавались женские голоса, у бассейна появлялся блестящий гриль, источали аромат шашлыки.

Поздравлять дома Леонида Михайловича готовились только мужчины, поскольку знали, что раз в году он позволял себе расслабиться по полной.

Как-то давно Сиваш решил над гостями подшутить и нашёл в интернете девушек не стойких нравов, пригласил их на праздник, чтобы ублажать все прихоти гостей. Коллеги удивились, но отказываться от общения с противоположным полом не подумали. Праздник прошёл на «ура». Так Сиваш познакомился с несколькими дамами древней профессии и, когда бывало очень скучно, приглашал кого-то из них к себе домой.

И сегодня готовился очередной большой сабантуй в честь дня рождения.

Проснувшись и произнеся короткую молитву Пресвятой Троице, Сиваш принял душ и, одевшись в домашнее, сел за стол, чтобы написать список мероприятий подготовки к празднику. Рабочий день никто не отменял, и пока коллеги несли службу, надо было съездить на рынок, купить продуктов, привести в порядок гостиную и территорию у бассейна. Позвонить по телефону знакомой девушке, чтобы она привезла с собой подруг.

Погода предполагалась солнечной, на душе было легко. Ожидались многочисленные поздравления по телефону, общение с детьми и внуками по ватсапу.

Но звонок в ворота отвлек его от занятий. Выглянув в окно, он увидел мужчину с букетом ярких цветов. С радостью подумал: «Ну, началось – прибыла первая доставка!»

Накинув толстый махровый халат, вышел из дома и спустился по лестнице к воротам. Открывая многочисленные запоры, гадал, от кого эти утренние поздравления: администрации района, города или Совета ветеранов?..

Последний замок поддавался легко, и, распахнув калитку, Сиваш сделал шаг назад, приглашая посыльного.

Тот вошёл и неожиданно точно рапирой резко ткнул хозяина букетом в грудь.

Леонид Михайлович даже улыбнулся такой шутке, ожидая объяснений, но неожиданно почувствовал в груди

острую боль. Схватил цветы руками.

– С днём рождения! – произнёс гость и оставил слегка рас­трёпанный букет в ладонях именинника.

«Неужели цветы так больно ударили? Что это – розы? Ши­пы?» – оседая, успел подумать Сиваш и потерял сознание.

Незнакомец аккуратно прислонил бесчувственное тело к створу ворот, чтобы снаружи было не видно, и, закрыв ка­литку, направился в дом...

Лежащего за воротами мужчину заметили не скоро. Толь­ко когда многочисленные гости, не попав на праздник, на­чали беспокоить полицию, дежурный послал наряд, чтобы проведать известного человека. Вызванные ими врачи кон­статировали смерть.

Быстро узнав о случившемся, местные жители убедились в правильности своих догадок о том, что усадьба эта действи­тельно проклята и к убийству причастны украинские наци­сты.

Эта версия и стала у следствия основной. Начались об­лавы по местам притяжения мигрантов, получивших граж­данство. Запросили контрразведку на предмет подозритель­ных личностей и активных оппозиционеров. Изучались ин­тернет-ресурсы на предмет готовившейся расправы.

Глава 3

Радостные встречи

После завтрака Семён Сомов достал из сарая два деревянных ящика и поставил их под яблони.

– Яблоки с земли не бери, – предупредил он Фому, – снимай с дерева аккуратно, до которых дотягиваешься, выбирай жёлтые, зеленые не трогай, они пока повисят. В ящик складывай осторожно, чтобы не побились.

Фома всё это и так знал – не первый раз. Но деда не прерывал, чтобы не разжигать дискуссию. Надо было быстрее вернуться домой.

Сомов достал из сарая длинную палку с наконечником из обрезанной пластиковой бутылки и стал снимать яблоки с верхних веток.

Когда один ящик был наполнен, неожиданно залаял пёс и, звеня цепью, подбежал к забору, но сразу затих, узнав гостя, вернулся на место.

Из-за штакетника выглядывал приятель Фомы – Гордей. Он был на два года старше, но роста того же. Загорелый коренастый боровичок с чёрными короткими волосами и светящимися угольками лукавых глаз. Жил по соседству с матерью и отчимом. Кроме парников семья держала птицу и круглый год торговала по деревне яйцами кур и перепёлок.

– Похоже, индейцы откладываются? – спросил он.

Фома неспешно подошёл к нему, в ответ согласно пожал плечами, кивнув на яблоки.

– Ладно, – махнул рукой Гордей, – я пока верёвку найду и наконечники на стрелы придумаю, приготовлю всё.

– Хорошо! – радостно заулыбался Фома, откинув ладонью волосы со лба.

Опасливо покосившись по сторонам, Гордей тихо спросил:

– Ты не передумал, о чём вчера говорили?

Фома зыркнул в сторону деда: тот увлечённо снимал плоды, раздвинув нижние ветви, кряхтя тянулся палкой к самой верхушке, выбирая крупные яблоки. Затем посмотрел на приятеля, отрицательно покрутил головой:

– Я нет, а ты? Не струсил?

– Мне-то что, – усмехнулся Гордей, – тебе выкручиваться!

– А потом тебе!

В этот момент дед выложил очередную пару яблок в ящик, обернулся к подросткам. Заметил соседского парнишку:

– Привет, Гордей! Помочь нам не хочешь?

– Некогда, – откликнулся тот, – я на рыбалку иду, матери карасей обещал к обеду наловить!

– Тоже дело хорошее! – согласился Сомов. – Как ваш герой войны поживает?

– Герой с дырой! – тихо со злостью прошипел Гордей так, чтобы мужчина его не услышал. Лицо его резко покраснело. Громче добавил: – Бухает! Что с ним случится!

– С одной рукой? – удивился Сомов.

– Так стакан двумя держать не надо. Пока все деньги не пропъёт, не остановится! Хорошо, хоть с топором по двору не бегают как раньше!

Сомов умолк, с сожалением вздохнул и снова принялся за работу.

Гордей быстро наклонился к Фоме, шепнул на ухо:

– Ну, так что когда?

– Сегодня перед ужином зайду!

– Приходи часов в шесть. Я как раз в парниках буду огурцы с помидорами поливать! – Гордей ехидно улыбнулся, весело подмигнул: – Сегодня утром опять знамя поднимал?

Фома погрузился, досадливо кусая губы, угрюмо кивнул несколько раз, глаза сквозь чёлку сверкнули обидой.

– Ладно, держись! Недолго осталось! – Гордей легко шлёпнул друга по плечу и скрылся за забором.

Добрав второй ящик, Сомов подогнал машину и погрузил оба в кузов.

Через полчаса они уже были у детского дома.

Малышей на территории не оказалось. Спальные корпуса стояли точно неживые. Сняв щеколду и открыв ворота, Сомов подъехал к двухэтажному центральному зданию, где на первом этаже размещалась столовая, а на втором кабинеты администрации. Заглушил двигатель. Выйдя из салона, открыл багажник. Стал вытаскивать ящики и ставить на асфальт.

Фома тоже вышел из машины, с интересом рассматривая детскую площадку с песочницами, деревянными грибочками и низкими качелями.

На крыльце появилась молодящаяся заведующая в белом накрахмаленном халате, обтягивающем большую выпирающую грудь, и ярким вызывающим макияжем на строгом кукольном лице.

– Надеюсь, вам сами ящики не нужны? – не здороваясь, с надменным видом поинтересовалась она. – Яблок много, все везут, девать некуда. Нужна справка с санэпидстанции.

Сомов оторопел:

– Да какая справка, мы же вам каждый год привозим!

– Вам лишь бы привезти, а мы потом договариваемся с врачами! – раздражённо заявила женщина.

Семён Петрович извиняюще развел руками:

– Ну, уж извините, – в голосе прозвучала обида.

Подошёл крепкий мужчина в телогрейке и кепке с загорелым лицом и руками-лопатами истопника. Ничего не говоря, наклонился и взял большое блестящее яблоко. Откусил – по подбородку потёк сок. Пробубнил набитым ртом:

– Вкуснотища! Давно таких не ел!

Заведующая зыркнула на него взглядом, полным ненависти, гаркнула:

– Оттащи на кухню!

Мужик схватил ящик и понёс в здание.

– Ну, мы поехали? – поинтересовался Сомов у заведую-

щей.

– Да, спасибо! – коротко ответила она и торопливо пошла к себе.

Семён Петрович махнул Фоме:

– Айда домой!

Когда машина выезжала из ворот, Фома заметил, как из всех дверей стали торопливо выбегать женщины, на ходу расправляя пакеты и мешочки, направляясь к оставшемуся ящику с яблоками. Вопросительно посмотрел на деда, но тот резко отвёл взгляд, сделал вид, что внимательно смотрит на дорогу. Заметив купола церкви на другой стороне, стал креститься, что-то шепча про себя.

Когда вернулись домой, солнце уже палило что есть мочи.

Редкие облака, точно белые нелепые кляксы, одиноко ожидали, чтобы их закрасили под общий голубой фон.

Ласточки заходили в виражи, суетливо кормили своих малышей в гнёздах под крышей дома, откуда периодически звучало призывное чириканье.

Мама Фомы уже встала. Она сидела за столом на открытой веранде в шёлковой полупрозрачной ночной сорочке. Подставляла худенькое востроносое миловидное личико с мелкими чертами лица палящему солнцу. Наслаждалась, прикрыв глаза, держала в руке большую кружку, из которой сильно парило и пахло кофе. На мясистых коленях лежала толстая книга с изображением компьютера на обложке.

– Мама, мамочка! – подбежал Фома, с разбегу присел на

корточка, прижался головой к полному телу. Накатило, в глазах навернулись невольные слёзы. – Какая ты у меня красивая! – Поднялся, взяв лицо матери в ладони, стал поочередно целовать щёки, преданно заглядывая в глаза.

Книга с женских колен соскользнула на пол. Соня только успела поставить кружку на стол, чтобы не облиться, обняла сына пухлыми руками.

Фома с опаской оглянулся на деда, кружившего вокруг арендованной машины, на которой поздно ночью приехала мать. Затем снова углубился в ласковое материнское лицо, понизил голос:

– Как я по тебе соскучился! Забери меня отсюда! Пожалуйста... ну забери, забери... – Голос зазвучал капризно.

– Куда же я тебя заберу, Фомушка? – Соня гладила сына по растрепавшимся длинным светлым волосам, убирала чёлку с умоляющих глаз. Вымученно улыбалась, глаза лучились сердечной добротой. – Мне работать надо! У меня встречи! Какой ты большой стал, растрёпанный, милый мой, я же просила тебя причёсываться!

– Я буду каждый день причёсываться, обещаю, и тебе буду помогать! Хочешь, я научусь обед готовить или по утрам прибираться, мусор выносить... что хочешь, буду делать... я всё умею, мамочка, ну пожалуйста, любимая... не бросай меня здесь...

Соня снисходительно улыбалась, глаза блестели:

– Да что ты... меня же дома летом не бывает – постоянно

в разъездах!

– Я могу один жить в квартире! Буду порядок поддерживать, цветы поливать. Тебя ждать... – Фома стал вытирать кулаком невольно выступившие слёзы.

По цементной лестнице на крыльцо медленно вразвалочку поднялся дед, наклонился и взял упавшую на пол книгу, прочитал название, положил на стол. Его конопатое лицо недовольно нахмурилось, взглянул на дочь:

– Искусственный интеллект изучаешь? Своего уже не хватает? Зачем тогда красный диплом в университете получала?

– Папа, это не то! – горячо возразила дочь.

– Вижу, и этот разум тебе даже водить машину не помогает! – показал рукой на клумбу у ворот. – Все цветы Ольге помяла колёсами! Жениха себе в Турции не нашла?

– Папа, о чём ты говоришь? Все женихи на Спецоперации, – с лёгким укором отшутилась дочь, – ты же сам твердишь, что остались только трусы и предатели.

В этот момент на крыльцо в спортивных штанах вышел Алексей, потянулся, раскинув в стороны белые тонкие руки. Улыбнулся, растянув реденькую щетину на впалых щёках. Тщедушное тело обозначило гармошки рёбер. Поправил грубоватые толстые очки, совсем не вяжущиеся с утончёнными чертами лица:

– Хорошо тут у вас! Птицы поют всю ночь, и воздух такой сладкий, не напиток.

– Ну что, выспался, боец? – Сомов похлопал парня по хи-

лому плечу. – Иди искупайся! Водичка точно парное молоко, будет что вспомнить на фронте!

Алексей поёжился, поведя плечами, но остался стоять, любовно глядя на сверкающее озеро внизу, проглядывающее через редут стройных вековых сосен.

Со стороны забора раздался свист – Гордей призывно махал одной рукой, второй держась за штaketник.

– Мамочка, ты никуда не уедешь сегодня? – жалобно спросил Фома.

– Конечно нет! – Соня закинула ногу на ногу, поправила короткую полу одежды, прикрыв толстую дряблую ляжку, опасно зыркнула на отца – тот искоса посмотрел на неё, но смолчал, только пошамкал губами.

Фома прижался к матери, взял её ладонь в руки и несколько раз поцеловал:

– Я немного с Гордеем погуляю и вернусь!

Соня согласно кивнула, смущённо забирая руку, и он побежал вниз по ступенькам к калитке.

Как только он выскочил за ворота, Сомов нахмурил брови, с укором в упор уставился на дочь:

– Как тебе не стыдно? Приехала к сыну, сидишь здесь в неглиже с бокалом, королевишна заморская, все прелести выставила напоказ!

Соня снова поправила прозрачную полу, подтянула вверх лиф сорочки, оглядела свою крупную красивую грудь, едва прикрытую тонкой материей, взяла кружку в руку, громко

отхлебнула:

– Папа, сейчас все так ходят. Это свободное платье от Баленсиага!

– Свободное? От чего свободное – от стыда? Скорее прозрачное! Оно через неделю тебе в обтяжку уже будет!

Соня смутилась:

– Папа, это у меня конституция такая, я же не виновата! Постоянно на диете сижу, только таблетки ем.

– Интересно, а кто ночью целую сковородку котлет умял, пока мы спали? Ольга на обед готовила – с утра сунулась, а их нет!

– Просто я поздно приехала, открыла холодильник, а там очень вкусно пахло – решила попробовать.

Сомов снова оглядел дочь, обнажённую белую ляжку, закинутую на другую ногу, поморщился:

– Постеснялась бы, молодые мужчины в доме.

– Молодые мужчины это кто? – Соня посмотрела на Алексея (тот продолжал любоваться природой, не отводя взгляда от безоблачного горизонта). – Лёшик – мой сводный брат. Ты забыл?

– А брат это не мужчина?

– Это Лёшик! – ласково заворковала Соня. Она встала и обняла парня, поцеловала в щёку. – Милый волшебный повар, чародей!

Тот повернулся к Соне, благодарно улыбнулся.

Сомов недовольно засопел:

– Твой чародей контракт подписал добровольцем на Спецоперацию. Завтра утром уезжает! – протянул руку и взъерошил парню короткие волосы.

Соня отстранилась:

– Братик, ты зачем это сделал? Это же война!

Алексей ожидающе посмотрел на отчима, сглотнул, затем снова обернулся к ней:

– Все настоящие мужчины должны быть на фронте. Защищать нашу Родину!

– Защищать? – удивилась Соня. – Ну... пусть защищать, а ты-то здесь при чём? Лёшик, твой фронт – это шедевры кулинарии! Ты же «Звезду Мишлен» получил во Франции!

Лицо Сомова внезапно стало бурого цвета:

– Пусть они эту звезду себе засунут! – внезапно огрызнулся он. – Мой сын наших героев кормить будет!

Алексей согласно закивал, погладил Соню по плечу, на лице отразилось смущение, он поправил грубые очки на тонком носу:

– Пойду оденусь и мясо посмотрю! Я сегодня обещал праздничный ужин приготовить! – грустно улыбнулся и направился в дом.

Соня проводила его взглядом, полным болезненного удивления, затем в упор посмотрела на отца, грудь начала резко возмущённо вздыматься:

– Это ты заставил его в добровольцы пойти?

– Почему это заставил? – Голос Сомова дрогнул, заюлил: –

Он взрослый человек, сам решает за себя.

Соня обречённо вздохнула, стала медленно кивать, в лице появилась мертвенная бледность, жгучая ненависть вспыхнула и потухла в глазах. Присаживаясь обратно в кресло, тихо уверенно повторяла:

– Заставил, заставил, заставил... ты кого хочешь заставишь... – повысила голос кротким молящим упрёком. – Он же талант! Неужели ты не видишь?

– Сейчас нет времени талантам! – пробурчал Семён. – Сейчас время такое пришло – надо Родину защищать. Ваше слово, товарищ маузер!

Глава 4

Старый друг

– Кто это здесь Маяковского цитирует? Наш героический подводник? – раздался громкий насмешливый голос.

Сомовы не заметили, как на крыльцо стал подниматься пожилой седовласый мужчина в деловом строгом костюме. Открытый большой лоб и блестящие карие глаза делали лицо вдохновенным и доброжелательным.

Семён резко обернулся на голос. Расплылся в широкозубой улыбке. Торжественно, с ноткой почтения произнёс:

– А! Известный адвокат Павел Иванович Косых пожаловал! Давно не виделись! Чем ты у себя так был занят, что забыл своего боевого товарища? Всё музыку слушаешь? По концертным залам в Питере разъезжаешь? Ко мне вон дочка из Турции приехала погостить! Сына провожаем добровольцем на Спецоперацию!

Адвокат, не торопясь, с лёгкой одышкой, зашёл на веранду. Старые друзья обнялись.

– Привет, Сонечка! – кинул он через плечо приятеля.

Молодая женщина грустно кивнула в ответ.

– Ты что такая расстроенная? – заметил Павел Иванович. Та пожала плечами, забрала со стола книгу.

Сомов посмотрел на дочь:

– Позавтракала, иди помоги Ольге в огороде. Она собира-

ется окрошку на кефире в обед сделать.

– Где я и где огород? – парировала дочка, допила остатки кофе. – У меня через полчаса консультация онлайн.

Сомов пожал плечами:

– Онлайн! Да кого ты там консультируешь? Неужели есть ещё кто-то тупее тебя? – глупо хихикнул и посмотрел на Косых, ища поддержки, но тот был невозмутим, и Семён продолжил наезд на дочь: – Чем ты вообще занимаешься? Наверно, как твоя мамаша, путешествуешь по святым местам, чтобы Аллах уму-разуму научил? Помнишь, как ты росла, не ведая женской ласки? Не заметишь, так же и сын вырастит, тебя не узнает! – посмотрел в проём двери на висевшую икону и перекрестился: – Прости меня Господи!

Соня наклонила голову, на глазах выступили слёзы, несколько раз шмыгнула остреньким носиком и, поднявшись с кресла, прижала книгу к животу, скрылась в доме.

Мужчины остались одни. Оба сели.

Косых кивнул в сторону ушедшей Сони:

– Мне кажется, ты с ней грубоват! Видишь не часто. Неужели не скучаешь?

Сомов насупился, недовольно пошевелил усами:

– Ты знаешь, пока её нет, прямо тоска гложет по дочери, грудь жжёт. Кажется, придет – готов расцеловать, всё для неё сделать. А как увижу – точно становится не родной, начинаю придираюсь, вспоминать её неудачи. Честно говоря, я и сам иногда замечаю это, но остановиться не могу! И чем

дальше, тем хуже! Будто сидит во мне второй человек, этакий гад мерзкий, выходит наружу и командует моим языком и всем телом. Даже не знаю, как это происходит. Ты не слышал о такой болезни, может, мне провериться надо у врачей? Правда, не знаю, к какому обратиться.

– Нет, думаю, это не болезнь, – возразил Косых, – похоже, это старость тебя одолевает, а может совесть. Воспоминания скребут по душе. Ты же в книжках читал, что пожилые люди становятся занудными и вредными, вот это, верно, так и проявляется. Зависть к молодой энергичной жизни. А справиться с ней не можем – становимся немощными.

– Чего это немощными? – Сомов согнул руку в предплечье, напрягая мускулы. – Вон смотри, какие бицепсы у меня!

– Да дело не в бицепсах. Видно, что зарядку делаешь, в физической форме себя держишь. Вот как бы и мозги научиться тренировать как мускулатуру. Тогда бы люди не старели. Может, и чаще замечали, когда обижают кого-то.

– Наверно, ты прав, – кивнул Сомов, недовольно засопел. – Но ты-то моложе меня лет на десять, пока этого не чувствуешь?

– Просто у меня родственников нет, – усмехнулся Косых, – ругать некого. А что, твоя бывшая Елена так и продолжает по монастырям ездить?

Сомов коротко кивнул, разочарованно махнул ладонью:

– Такая же, как дочь, попрыгунья. Только профиль другой. На ватсап каждый день скидывает мне какие-то иконки,

образы святых, поздравления с праздниками религиозными то из Арабских Эмиратов, то из Новодевичьего монастыря. Собиралась заехать в гости с дочкой повидаться, пока Соня здесь.

– Наверно, верует, – заметил Косых, – раз решила Богу служить.

– Родине надо служить, время такое! – Сомов покачал головой. – Сыновей воспитывать правильно. Соня никогда меня не слушала! Единственное, на что ума хватило, – это красный диплом получить. Замуж вышла за хорошего доброго парня – офицера, взяла и бросила его, только фамилия осталась, убежала с парашютистом-планеристом! Шлялись непонятно где по горам по долам, пока не родила. Того, сразу видать, волной смыло. А теперь вон придумала – получила гражданство Турции, чтобы по Европе да в Америку летать, и внука туда же записала! Хороший умный мальчишка. Три месяца у меня живёт летом – настоящий матрос. Осенью провожаю бойца, а весной приезжает турок размазня с длинными волосами и рубашечками от Кардена, значком всадника с клюшкой в руках вместо сабли – что она там с ним делает?!

– Ну, это дело молодое! – возразил Косых. – Модно одеваться и причёски носить никто не отменял. Мы бы тоже одевались в детстве красиво, если бы возможность была!

– Да при чём здесь мода? Парень привозит с собой расшитые бисером халаты до пола, цепочки с бусами на шею,

перстеньки какие-то, чалму с шароварами! Просит ухо проколоть. Ресницы подкрашивает – это что?

Косых расхохотался:

– Да это просто турецкие сувениры – баловство, пройдёт.

– Слава богу, он эти сувениры по деревне не носит. Только в доме одевает, перед нами красуется. А то бы засмеяли! – Немного успокоившись, Сомов сменил интонацию: – Да ладно, что я об этом! Говори, как у тебя дела? Чего новенького?

Из дома появился худой кот Чарли с выгнутой спиной и опущенной головой. Он шёл странной походкой, ставя одновременно обе левые лапы, а затем правые. При этом покачиваясь, точно механическая заведённая игрушка. Прошел между беседующими приятелями и упёрся головой в ножку стола, остановился и так замер.

Косых, опустив голову, внимательно смотрел на поведение животного, оно казалось подозрительным. Тихо спросил:

– Что это с ним?

– А... это наш Байден, – усмехнулся Сомов. – Я теперь его так зову по имени президента США. Старый стал кот. Ему уже лет двадцать, наверное. Вообще-то он Чарли. Раньше был огромным, пушистым, походил на Черчилля, поэтому так и назвали, только сигары не хватало. А теперь исхудал, всё время спит на своей лежанке в углу, редко появляется. Временами подойдет к стене как сейчас, уставится в неё и стоит, смотрит. Мы его на всю ночь теперь в чулан запираем,

воду ставим и туалет. А то он может в любое время выйти в гостиную и начать орать на весь дом как белуха. Видать, что-то с мозгами.

– Да, все мы не молодеем, – согласился Косых, протянул руку и погладил кота по ребристой спине. – Мне одному в доме тоже не очень комфортно. Хорошо, что ты рядом – всегда могу зайти.

Сомов улыбнулся:

– Правильно сделал, что квартиру родителей после смерти продал и сюда переехал. В любое время можем встретиться. Мало ли какие проблемы или просто со скуки. Это же счастье – жить здесь на природе. Ты где был в этот раз?

– В Москву приглашали генерала защищать. Думал – смогу! Не получилось. Ты знаешь, с разбойниками и убийцами работаю без проблем, даже насильника защищал как-то. А вот с генералом не смог. Как представляю, сколько он денег своровал у ребят, которые на фронте воюют голодные и раздетые, – руки тянутся эту жирную сволочь задушить прямо в комнате для допросов!

– Да, нелёгкая у тебя работа на пенсии.

– Ну а как твой бизнес процветает? – с интересом спросил Павел.

Сомов пожал плечами:

– Не очень, но на жизнь хватает! Хорошо, что вовремя земли прикупил, несколько домиков на них построил. Отдыхающие каждое лето приезжают, иногда даже зимой арен-

дуют. Оформил как турбазу «Оредеж» по названию озера. Здесь у воды людям красота! – Он обернулся к дверям дома, где в проеме виднелась икона, и несколько раз перекрестился. – Слава Богу! Господи, благодарю тебя! – Затем снова повернулся к Павлу: – Давай по стопочки, мне монахи бутылочку самогонки передали с подворья! Мы с внуком им яблочек – они нам святой источник!

– Ну, раз святая, я не против даже с утра!

Сомов быстренько зашел в дом и открыл буфет, где хранил спиртное, достал бутылку и стопки. Затем нарезал сала на тарелку, положил пару кусочков ржаного хлеба и несколько долек чеснока, снова вышел на веранду. По дороге глянув на икону, ещё раз прошептал: «Слава тебе, Господи».

Приняв по несколько стопок под закусочку, приятели решили прогуляться по берегу озера. Стали спускаться к воротам.

Сомов подошёл к вольеру:

– Ну что, Палтус, пойдёшь с нами пенсионерами гулять или косточки от старости болят?

Овчарка вскочила с подстилки, радостно коротко закулила, преданно глядя на хозяина, стала бить хвостом.

Сомов отстегнул пса от цепи, скомандовал «Рядом!». И тот смиренно пошёл с левой стороны, помахивая пушистым хвостом.

Мужчины по тропинке спустились к прозрачному озеру, пошли вдоль берега, поросшего невысокой травой, местами

сменяемой округлыми проплешинами чистого пляжа с золотистым песком.

Косых повернулся к приятелю:

– Всё забываю спросить, почему ты овчарку свою Палтусом назвал? Быстро плавает?

Семён улыбнулся:

– Если бы так – назвал «тунцом». А «Палтус» – это рабочее название подводной лодки проекта восемьсот семьдесят семь, в простонародье «Варшавянка». Я такой командовал – в память о ней. В своё время предполагали оснастить ими страны Варшавского договора, но не сбылось – перестройка. А знаешь, как её называли в НАТО?

Павел недоумённо пожал плечами.

– «Чёрная дыра»!

– Это за что же так грубо? – усмехнулся Косых.

– Исключительно за бесшумность, – пояснил Семён, – она же на аккумуляторах под водой идёт. Ездил в электрических автомобилях?

– Нет, – покрутил головой Павел, – не довелось.

– Так вот они тоже едут без звука! Я в интернете прочитал, что китайцы даже придумали через динамики пускать тихий рокот, напоминающий работу двигателя, чтобы водителю было привычней – не терялся на ходу.

– Ох уж эти китайцы! – покачал головой Косых. – А ведь они нам даже в подмётки не годились, когда начали свою экономику поднимать.

– Да, грустная история! – Сомов подобрал увесистую палку и забросил её подальше в озеро.

Пёс, не раздумывая, бросился за ней вплавь, схватил в пасть и вернулся обратно. Выйдя на берег, положил у ног хозяина, отряхнулся, обдав мужчин холодными брызгами.

– Умный Палтус! Хорошая собака! – похвалил хозяин, потрепал пса по голове. Снова бросил палку подальше, и пёс опять сорвался с места, бухнулся в воду.

Сомов шёл впереди, его короткие белые штаны до колен открывали кривые волосатые ноги в чёрных носках и светлых мокалинах. Походка была медленной, но упругой – здесь он знал каждую кочку.

Косых чувствовал себя не в «своей тарелке». Солнце припекало, и в чёрном костюме становилось жарко. Он снял пиджак и закинул его на плечо, держа за петлю на воротнике, спустил узел галстука и расстегнул сверху рубашку. Шёл неуверенно, аккуратно ставя ногу, чтобы не зачерпнуть песок. Увидев лавочку, он положил на неё пиджак и сел.

Семён посмотрел на приятеля, быстро упал на песок и отжался несколько раз, затем тоже сел рядом, отряхивая ладони, переводя дыхание. Немного посидев молча и глядя на озеро, с умилением произнёс:

– Благодать! Слава тебе Господи на старости лет наслаждаться такой безмятежностью. – Пёс снова принес палку, и Семён не вставая бросил её в озеро. Обернулся к приятелю, хитро улыбнувшись, спросил: – Паша, ты в Бога веришь?

Кому молишься? Прокурору или минюсту?.. Поэтому тебе Господь не даёт жену и детей с внуками!

Косых пожал плечами:

– Да нет, верю, как и все! Просто судьба такая.

– И в церковь ходишь?

– Не хожу, – усмехнулся Косых, – посредников не люблю!

– Это как? – не понял Семён.

– Ну, вот ты когда хочешь яблоню или грушу купить, не едешь в магазин, а в питомник обращаешься к производителю! Правильно?

Сомов кивнул.

– А почему? – продолжил Косых. – Наценки не хочешь, и товар можно руками пощупать, с профессионалом поговорить, а не с продавцом, в глаза ему посмотреть.

– И при чём здесь вера? – не понял Сомов.

– Так вот и я Бога храню в душе, общаюсь с ним наедине!

Эти попы-посредники грешники похуже нас с тобой! Постоянно скандалы происходят из-за сексуального насилия над детьми.

– Да, это я читал, – согласился Семён, – Ватикан эти расследования замалчивал. А молишься-то где? Молитвы знаешь?

Косых усмехнулся, легонько по-приятельски хлопнул Сомова по плечу:

– Я музыку люблю, она у меня как молитва. Помнишь, я вам с Еленой ставил записи «Памяти Карузо» или «Сады

эдема» Шопена, «Адажио» Альбионе, «Воздух» Баха? Это ли не истинная молитва, когда душа твоя возносится вместе с музыкой, разрывается от чувств, на глазах слёзы появляются. В такие минуты всех прощаешь, кроме себя самого. Собственные грехи вспоминаешь, они будоражат, покоя не дают. Так и стараешься очиститься от скверны.

Сомов улыбнулся, покачал головой:

– Складно рассказываешь. А что, за тобой много грехов-то?

– Ну а ты как думаешь? – удивился Косых. – Работать в следствии и не грешить? Пока чужие грехи разгребашь, обязательно замараешься своими!

– Согласен, – кивнул Семён, – а я вот монастырям помогаю, приходам разным, и на душе становится спокойней. Семья у меня. А твои музыкальные молитвы, наверно, до Бога-то не доходят, раз ты один как перст?

– Значит, не суждено пока, – Косых пожал плечами. Хитро улыбнулся, подмигивая: – Да я ещё на покой не собираюсь! Может, и встречу зазную какую. А пока у меня друзья есть с семьями, можно к ним прислониться, почувствовать любовь и доброту!

– Это точно, – понимающе улыбнулся Сомов. Обнял приятеля за плечи, прижал к себе, – вся моя семья тебе рада!

Косых взялся за конец палки, прикушенной собачьими зубами, потянул, поинтересовался:

– Не укусит? А если я ему брошу, принесёт?

– Конечно принесёт! Палтус чувствует хорошего человека и готов служить!

Пёс разжал пасть и отдал палку, сел, ожидая броска.

Павел встал и со всей силы запустил её в озеро.

Палтус рванулся с места и через пару минут уже принёс деревяшку обратно, положил её в ноги Косых, сел напротив, ожидая нового броска.

Глава 5

Горестные провода

На ужин собрались все домочадцы. Остался в гостях и Косых.

Стол ломился от салатов и разносолов, из закрытой кастрюли с варёной картошкой струйками вытекал пар. В центре стоял наполненный графин домашнего кальвадоса, который дед производил из яблок собственного сада, и открытая бутылка шампанского.

Сомов и Косых сидели рядом с широкой стороны прямоугольного деревянного стола, искусно сколоченного из досок и накрытого белой простенькой скатертью.

С противоположной стороны расположились женщины.

Фома устроился с торца рядом с дедушкой. Стул напротив был пуст – Алексей готовил своё фирменное блюдо.

Тонко звякали вилки и ножи по фарфору тарелок. Семён Петрович в ожидании повара незаметно подливал спиртное себе и приятелю, вспоминали молодость, пили без тостов и речей, заедали ароматным салом и домашними малосольными огурцами.

Соня рассказывала Ольге о жизни в Турции, любвеобильных горячих кавалерах, полётах на парашуте и подводных красотах тёплого Средиземного моря.

Собеседница кротко улыбалась, внимательно слушала, с

нерешительной настороженностью косилась на пышные тела молодой женщины, выдавливаемые слишком сильно обтянутым коротким платьем, точно оставшимся со школьных времен.

Фома наблюдал за взрослыми, крутил головой, ловя рассказы то с одной, то с другой стороны. Прихлёбывал ароматный компот из свежих ягод. Глаза периодически туманились волнующими внутренними мыслями. Он взбрыкивал головой, отгоняя их, скидывая челку с глаз, и снова слушал взрослых.

Вскоре появился виновник торжества с веером из тонких металлических шампуров в руках с насаженными кусочками мяса и красного болгарского перца.

– Налетай, подешевело! – воскликнул Сомов, протягивая свою тарелку с остатками салата и варёной картошки.

Все последовали его примеру.

Алексей стал раскладывать шашлык. Оставшееся мясо положил на блюдо с зеленью посреди стола. Посмотрел на сводную сестру через очки:

– Соня, а ты что запечённое не ешь? Попробуй хоть немного из баранины! Я так старался – древний татарский рецепт!

Та крутила головой:

– Нее, Лёшик, я на диете! Витамины ем. Могу только овощи!

– Ха-ха! Она ночью будет питаться! – засмеялся Сомов. –

Когда никто не помешает!

Соня фыркнула, но ничего не ответила, стала накладывать себе салат из помидор.

– Может, кому кальвадоса за нашего бойца? – веселился Сомов, наполнив стопку Павлу Ивановичу, а затем привстал и потянулся к месту Алексея.

Парень закрутил головой, легонько отстраняя графин ладонью:

– Папа, я же не пью!

– Давай, боец, – настаивал Сомов, – на передовой пригодится! А то будешь там как белая ворона...

– Налей мне! – отвлекла его Ольга, протягивая свой фужер. – Что-то не хочется мне шампанское пить сегодня.

Сомов плеснул ей крепкого домашнего напитка. Затем поставил графин на место, повернулся назад, где чернел пластиковый корпус магнитофона, нажал на клавишу. Из динамиков полилась песня:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Отставной подводник встал, к нему присоединился Косях.

Глядя на мужчин, примеру последовали и женщины.

Посмотрев на деда, нехотя, недовольно вздохнув, поднялся Фома.

Алексей не садился, накладывая себе салат. Затем поставил тарелку на стол и вытянулся, расправив худые плечи,

ожидая дальнейшей команды отчима, глядя на него через толстые стёкла с большими диоптриями.

– Давайте за нашу победу! – торжественно произнёс Сомов, когда песня закончилась, и вытянул руку с наполненной стопкой.

Все стали чокаяться с ним, затем стоя пить.

Алексей налил себе компота и тоже потянулся фужером, успел чокнуться.

Сомов сделал музыку тише и сел, снова принялся за еду. Все последовали его примеру.

Опять зазвучали вилки и ножи.

Косых, отложив пустой металлический шампур в сторону, взял новый шашлык, восхищался вслух:

– Ну, Алексей, ну мастер! Такого мяса я и не помню когда ел!

Сомов, приобняв приятеля, дружески похлопал того по плечу:

– Заходил бы к нам чаще, мы бы тебя и другими деликатесами порадовали! – сладко улыбнулся жирными губами. – А как тебе была с утра освящённая самогоночка из подворья батюшки?

– Хороша, – улыбался Павел Иванович, закусывая запечёнными баклажанами, – но кальвадос лучше! Он яблоками отдаёт, мягонький, чувствуется что-то своё, родное.

– Так я же его вот этими руками делаю, – Сомов показал над столом мозолистые широкие ладони, – ничего лишнего!

Сбраживаю сок и перегоняю. Красную рыбку попробуй – сам солил...

Соня продолжала тыкать вилкой в капустные листья, украдкой с завистью посматривала, как мужчины наслаждаются мясом. Повернулась к сыну. Увидела, что тот пытается откусить шашлык с шампура, забеспокоилась:

– Фомушка, ну как же ты ешь? Я же тебя учила! – взяла у сына вилку и аккуратно сняла мясо, затем стала резать его ножом и отправлять кусочки сыну в рот: – Вот так надо! Нож в правой, вилка – в левой!

Заметив, что сын пережёвывает не торопясь, быстренько отправила несколько кусочков себе в рот. Увидела, что Алексей с лукавой улыбкой смотрит на неё, кивает. Приблизив голову, стрельнув бровями, тихонько спросил:

– Ну как?

Соня смущенно покраснела:

– Я только попробовала! Очень вкусно!

Сомов сидя поднял очередную стопку:

– Давайте выпьем за нашего героя, чтобы он с победой вернулся домой!

Все снова стали чокаются.

Неожиданно раздался пронзительный вой из-под стола, громкий точно сирена.

Женщины подскочили от неожиданности, расплёскивая спиртное.

Мужчины поставили стопки, разом наклонились вниз.

Домашний кот Чарли сидел под столешницей, упёршись головой в ножку стола, и, открыв пасть, надрывался что есть мочи.

– Фу ты чёрт, Байден, напугал! – возмутился Сомов, легонько пнул животное ногой. – Иди отсюда!

Но Чарли не пошевелился, продолжал трагически выть не переставая.

Ольга отодвинула стул и, наклонившись, взяла кота на руки, стала гладить:

– Ну что ты, милый! Болит чего? Сейчас пройдёт! – понесла Чарли в дом.

Остальные снова сели, продолжили трапезу.

Мужчины подняли поставленные стопки, молча выпили.

Сомов снова налил кальвадоса себе и Косых, предложил тост за предстоящее победное наступление...

Соня переключилась на горячую картошку с маринадами.

Фома продолжал прихлёбывать из стакана компот, прижав его к лицу, посматривал на Алексея. Тот, положив приборы на стол, с беспокойством поглядывал то на выпивающих мужчин, то на проход в дом, куда скрылась мать. Ещё немного подождав, он тихо встал и направился за ней следом.

Фома допил компот и тоже вышел из-за стола, решил пойти к себе в комнату. Проходя через кухню, заметил бабушку Олю с сыном. Они стояли обнявшись. Фома юркнул за буфет.

– Разве ты не понимаешь, мама, – с ласковым волнением говорил Алексей, голос его дрожал, был плаксивым, как у ребёнка, – как я могу отказаться, мне жизни не будет здесь... На другой берег озера, что ли, перебраться? А как же я без тебя? Я так не смогу... я боюсь, мне страшно, мамочка...

– Миленький мой, горемычный, – бабушка быстро сняла с шеи старинную серебряную ладанку на шнурке и через голову одела сыну: – Господь уберёжёт тебя, родненький, Господь не допустит... Эта иконка намоленная, ещё родитель мой носил...

Бабушка задрожала всем телом и, склонив голову на грудь сыну, тихо заплакала.

Фома неожиданно понял, о чём идёт речь, почувствовал, как волна нестерпимой щемящей жалости и детского пронзительного возмущения поднялась в душе. Он реально представил Алексея среди развалин и окопов, которые каждый день показывали по телевизору, увидел его бледное испуганное лицо в очках, худую сгорбленную фигуру, разбросанные взрывом дырявые кастрюли. Сердце сжалось от пронзившей болезненной тревоги, слёзы брызнули из глаз, и не в силах скрываться, он выскочил из засады. Кинулся к дяде, обнял, почти повиснув у того на шее:

– Лёшик, миленький, не надо никуда уходить! Оставайся с нами, если хочешь, мы с мамой заберём тебя в Турцию. Ну, пожалуйста! Не ходи!

– Что ты, что ты, болезный! – завохтала Ольга, прижимая

Фому одной рукой, а второй быстро смахивая передником собственные слёзы, стала гладить внука по волосам. – Мы не о том, не о том...

Неожиданно грузной походкой, слегка покачиваясь, на кухню зашёл Сомов, увидел жену с пасынком и внуком:

– Чего это вы здесь спрятались, отдельно попрощаться решили? У нас общие проводы за столом!

При появлении отчима Алексей вздрогнул от неожиданности, расцепил руки Фомы и взял в свои ладони, стал поучительно наставлять низким глухим голосом:

– Это долг каждого мужчины, понимаешь! Защищать нашу Родину! Вот так... – но в мутных глазах через стёкла очков продолжали ещё стоять предательские слезы.

Бабушка отвела взгляд в сторону, начала громко со стоном высмаркиваться в фартук.

Сомов перевел на неё внимательный взгляд, сдвинул брови, громко искусственно откашлялся, стараясь заглянуть в глаза жены. Но та, не поворачиваясь, боком прижалась к столешнице, стала сметать оставленные хлебные крошки в морщинистую старческую ладошку.

Тогда Сомов посмотрел на внука и покачал головой:

– Не забудь, что у нас перед заходом солнца спуск флага!

Фома оторвал взгляд от бабушки. Яростное праведное возмущение переполнили его маленькое сердечко. В голове застучало. Он почувствовал, как внезапная боль сводит веки, обернулся к деду и попытался смотреть ему в лицо. Но

оно расплывалось точно в тумане, и он закричал в это размытое веснушчатое розовое пятно с чёрточками:

– Это всё ты! Всё ты! – закрыл ладонями глаза. Запричитал: – Ненавижу, ненавижу тебя!.. – По памяти побежал на второй этаж в свою комнату, споткнулся на лестнице и упал, сильно ударился коленкой, вскочил, завернул за угол и, толкнув дверь, бросился на кровать.

Уже сквозь сон он подумал, что наверно все дедушки такие.

В этот раз спуск флага был без Фомы. У него поднялась температура, и мама легла с ним.

Мужчины ещё долго оставались за столом. С наступившей темнотой на веранде начали звучать торжественные марши и песни военных лет...

Среди ночи Соня проснулась от того, что почувствовала, как сын дрожит от холода. Его пижама промокла насквозь, и она осторожно передела полусонного ребёнка, плотнее укутала одеялом. А когда тот снова крепко уснул, вернулась к себе в комнату.

Глава 6

Прощание и свидание

А рано утром Фома уже чувствовал себя бодро, поднялся по будильнику. Ему показалось, что он опоздал, и с волнением сбежал вниз.

Было ещё сумрачно.

Алексей сидел с бабушкой за столом и мирно беседовал, поедая завтрак, его несуразные очки лежали рядом с тарелкой.

При виде внука Ольга всплеснула руками:

– Что ж ты, милоч, так рано проснулся, весь дом ещё спит!

– Подождите меня, я с Лёшиком! – крикнул Фома и поспешил в ванную комнату. Быстренько умывшись, вернулся и тоже устроился за столом.

Ольга положила ему в тарелку каши, придвинула несколько банок с вареньем:

– Какое будешь: яблочное, смородиновое или клубнику?

Фома покрутил головой, и, отрезав ножом кусок масла, как делал дед, бросил его в тарелку. Стал мешать ложкой и дуть, взял отрезанный кусок ржаного хлеба.

Ольга пригладила его взъерошенные волосы. С любовью смотрела на внука, ласково обнимала взглядом, была рада, что он выздоровел.

Дорога до станции пешком была не длинной. Все поворо-

ты, подъёмы и спуски Фома знал назубок – не раз с приятелем ездил здесь на велосипеде. Но в этот раз путь казался удивительно долгим.

Тропинка плутала между сосен, точно стараясь запутать путников и вернуть обратно. Ели предупреждающе шумели в вышине, тянулись своими лапами, норовя закрыть обзор, сбить с дороги. Листья кустарников маслянисто блестели утренней росой, грозя пролить её на неосторожных путешественников. Неожиданно вспархивали потревоженные птицы, хлопая крыльями и отчаянно крича, пропадали между ветвей. Над головами раздавался сухой отрывистый треск, и впереди падала корявая ветка, перегораживая путь.

Шли молча. Алексей нёс на плече большой рюкзак и периодически останавливался, поддергивал его вверх, слегка приседая, и, упруго распрямляя ноги, заводил лямку на плечо ближе к шее. И казалось, что вещевой мешок тоже упрямится и не хочет следовать вместе со своим хозяином.

В такие моменты племянник молча стоял рядом, с тоской смотрел на несчастного дядю в надежде, что тот неожиданно передумает и скажет: «Пойдём домой!» Но тот продолжал настырно молча идти вперёд.

Фома вспоминал, как отлынивал от занятий в школе, ссылаясь на боль в голове или ноге. И тогда мама звонила директору, сообщая неприятную новость. Но почему же бабушка ничего не придумала, чтобы оставить Алексея дома? Кому можно было позвонить в данной ситуации, чтобы отсрочили

поездку, он не знал.

– Лёшик, а ты не можешь не ехать? – неожиданно спросил Фома, жалобно посмотрев на дядю. Но видя, что тот продолжает идти не поворачиваясь, предложил: – А давай убежим! Помнишь, как мы убежали от деда на другой берег озера, когда он заставлял нас полоть огород? Там много брошенных старых домов, будем там жить, рыбу ловить, ягоды собирать и продавать на рынке, работу найдём!

– Нет, не могу, – покрутил Алексей головой, – я контракт подписал... я же доброволец – мог и не идти. Но я подумал, что надо так сделать.

– Это же тебя дед заставил? Да? Значит, ты можешь отказаться!

Алексей глубоко вздохнул:

– Не заставил. Но он помог мне что-то понять. Он правильно говорит – я в своей жизни ничего не сделал! Жены нет, детей нет, дом свой не построил! Да и дерево... не помню. Надо что-то совершить в этой жизни, чтобы почувствовать себя мужчиной!..

Уже на платформе, перед самым отправлением электрички, Фома обнял дядю и снова неуверенно попросил:

– Лёшик, не уезжай, пожалуйста! Дедушка тебе ничего-ничего не сделает! Уже не сможет! Я тебе обещаю! Его сегодня... – Он запнулся и умолк, понурил голову.

Алексей ласково улыбнулся и погладил Фому по упрямым светлым волосам. В его глазах стояла сердечная безмолвная

благодарность.

– Ты не волнуйся, – сказал он тихо и поцеловал Фому в щёку, – я сам так решил, я же взрослый! – и, подпернув рюкзак, зашёл в открытые двери электрички.

«Осторожно, двери закрываются» – сказал хриплый неприятный голос, который показался Фоме очень знакомым. Он поднял голову и увидел в маленьком окошечке двери неожиданно детское лицо Лёшика, точно тот был с Фомой одного возраста. Лицо казалось удивительно беспомощным и потерянным, хотелось броситься к машинисту и сообщить ему о недоразумении, со всей силы колотить в закрытые металлические двери, требуя выпустить ребёнка.

Когда зелёная изгибающаяся гусеница поезда скрылась за поворотом, Фома почувствовал, как что-то тёплое и дорогое, трепещущее внутри, покинуло его тело, и взамен образовалась черная гулкая пустота, с которой ему придётся жить дальше.

Горячая удушливая волна сжала горло, в глазах защипало, и он, не в силах сдерживаться, расплакался, по-детски тоненько скуля и хлюпая носом, стоя посреди пустого перрона.

Немного успокоившись, он вытер рукавом глаза. Подумал, что Алексей тоже ощутил ту же тоску и может быть ещё решит вернуться. Ведь он добровольно поехал на войну.

Фома сел на лавочку и стал с грустью смотреть, как незнакомые люди молчаливо взбираются по бетонной лестнице на платформу в ожидании следующих поездов.

Через некоторое время пришла электричка с другой стороны, и граждане вышли, перрон снова опустел. Затем прибыл пассажирский. Так было несколько раз, и ему очень хотелось увидеть среди приезжающих знакомое бледное лицо Лёшика в нелепых грубых очках. Но слышался только хриплый голос: «Осторожно, двери закрываются...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.